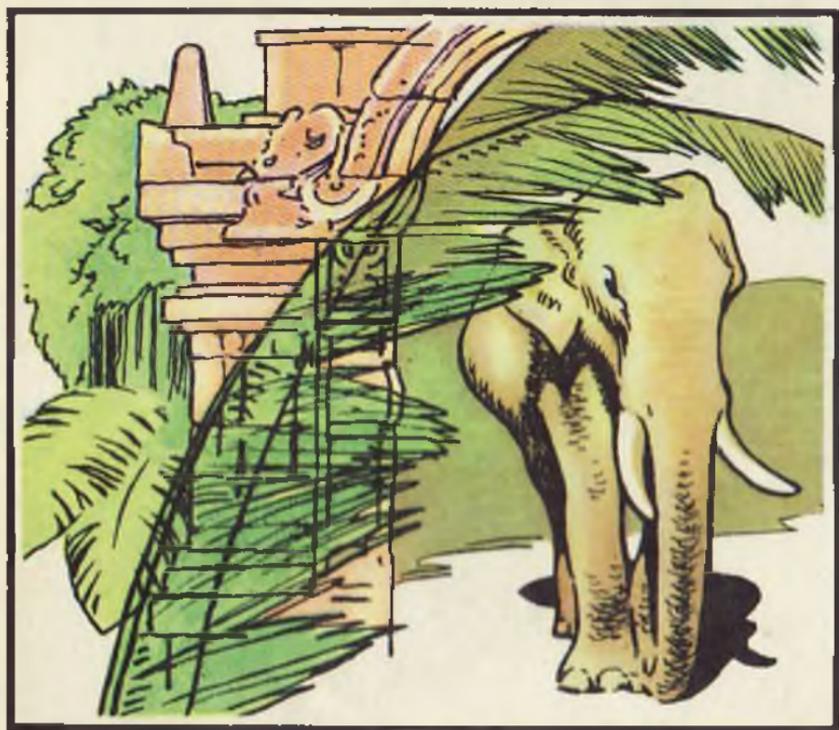

32 и
к 75

А. КОЧЕТОВ
В ПОИСКАХ
БЕЛОГО СЛОНА

АНДРЕЙ КОЧЕТОВ

32 И
К 75

В ПОИСКАХ
БЕЛОГО СЛОНА

817548

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

32М
К75

Художник *Вс. Бродский*

К 70302—059 269—77
078(02)—77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

*Слушай, обдумывай,
спрашивай, пиши
(Тайская поговорка).*

Таиланд с воздуха, или Неожиданное открытие

Все формальности наконец остались позади. Настроение вроде как весной — бодрое и приподнятое. То и дело невольно притрагиваюсь рукой к карману, словно хочу убедиться еще и еще раз в том, что документы на месте. Завтра в путь, далекий и неведомый. Кажется, сквозь пиджак улавливается тихий шелест командировочного предписания, оно же расчет-аттестат, ощущается упругость повенького, с еще не потрепанными глянцевыми корочками заграничного паспорта. На авиабилете, выданном мне в агентстве Аэрофлота, что на Фрунзенской набережной, рядом с Крымским мостом, указан предстоящий маршрут: «Москва — Рэнгун — Бангкок».

За рубеж мне приходилось летать и раньше. Однако то были путешествия скоротечные и в большинстве своем туристские. Теперь же предстояла длительная работа в одном из наших учреждений в Таиланде, бывшем Сиаме, стране, полной загадок, с которой связано множество любопытных историй и невероятных легенд. Срок командировки более или менее известен. Он будет

измеряться не днями и не месяцами, а долгими-долгими годами. Этим отчасти объяснялось мое состояние. Состояние крайнего возбуждения. Одно дело — увеселительный вояж на пару недель в братскую Болгарию или, скажем, в Англию, где все просто: есть гид, есть отработанная заранее программа, совсем другое — отправиться на несколько лет в таинственный Сиам и отнюдь не для развлечений.

К гамме охвативших меня чувств приплюсовывалось еще одно. Любопытство. Да, простое любопытство, при- сущее любому человеку. Давно хотелось увидеть белого слона.

В детстве я однажды прочитал рассказ Марка Твена о том, как король Сиам послал в дар английской королеве белого слона и что из этого в конце концов получилось. Если верить писателю, то имя слона было Гассан-Бен-Али-Бен-Селим-Абдалла-Магомет-Монсей-Алхамалл-Джемсетджеджибой-Дулни, султан Эбу-Будпур, или ласкательно просто Джумбо. И мне представлялось могучее животное ослепительной как снег белизны. Задрав хобот-граммофон, оно раскатисто трубило, призывая окружающих обратить на него внимание. Да и как не обратить? Белый слон! Подарок, доступный только монархам, подарок, подношения которого достойны лишь члены королевской семьи, да и то не все, а самые-самые...

Читая рассказ, я мысленно вместе с Джумбо при- был пароходом в Нью-Йорк, чтобы затем отправиться далее, в Лондон. Однако в Нью-Йорке белый слон не- ожиданно исчез. Начались суматошные поиски. На ноги была поднята вся нью-йоркская полиция. Присоединив- шись к сыщикам Дарли, Бейкеру и Хоузу, я, опять же в мыслях, разыскивал Джумбо в Лонг-Айленде, Пен- сильвании, Коннектикуте. Но тщетно. Белый слон как сквозь землю ухнул. Спустя несколько дней его обна- ружили мертвым в подвалах сыскной полиции. Инспек-

тор Блант и сыщики Дарли, Бейкер, Хоуз вне себя от радости делили между собой вознаграждение в сто тысяч долларов. Ведь они нашли слона «живого или мертвого». Мне же было очень жаль Гассана-Бен-Али-Бен-Селима... Я искренне переживал за могучего белого слона — подарок, доступный только монархам и подношения которого достойны лишь члены королевской семьи, да и то не все, а самые-самые.

И вот я направляюсь в Сиам, нынешний Таиланд, на родину марк-твеновского Джумбо. Будет ли удовлетворено мое любопытство? Увижу ли я белый феномен? Отгадаю ли загадку, которую преподнесла людям всемогущая природа?

Поднявшись в Шереметьеве, самолет взял курс на столицу Бирмы. Тринадцать часов лету отделяло Рангун от Москвы. Впереди две промежуточные посадки.

...Постепенно растаял в ночной мгле аэровокзал Тегерана. Предлагая традиционный бифштекс и отварную курицу, бортпроводницы успели дважды прервать и без того нелегкий сон авиапассажиров, прежде чем шасси нашего Ила осторожно, словно боясь всех нас вновь разбудить, прикоснулось к бетону посадочной полосы в Карачи. Получив у бармена по стаканчику кока-колы в обмен на специальные талоны, выданные у трапа милостивой девушкой в элегантном брючном костюме стюардессы пакистанской авиалинии, и потолкавшись минут тридцать у прилавков с беспощинными товарами, пассажиры вновь заняли свои места в Иле.

В Рангуне предстояла пересадка на самолет бирманской компании UVA. До Бангкока оставалось менее часа. Из тех, кто летел Аэрофлотом, никого рядом уже не было. Одни сошли в Рангуне, другие продолжали свой путь в Иле дальше до Джакарты.

В Москве, готовясь к поездке, я прочитал несколько книг и справочников о Таиланде, стране, лежащей где-то далеко, в самом центре Юго-Восточной Азии. К моим

прежним познаниям о сиамских близнецах и сиамских котах прибавилось немало сведений, порой противоречивых, разобраться в которых вот так, сразу, было делом довольно сложным.

Тем не менее я уже знал, что Таиланд, пожалуй, единственное государство в регионе, в целом сумевшее на протяжении всей своей истории устоять под натиском сокрушительных политических тайфунов, формально сохранить независимый статус, избежать печальной участи своих соседей, кого западные державы некогда превратили в колонии и полуколонии.

Вместе с тем неприкрытый экспансионизм капиталистических стран неизбежно привел к тому, что в Таиланде сложилась специфическая экономическая структура с ярко выраженной аграрно-сырьевой направленностью. Не выдержав дипломатического и военного давления, Сиам в середине прошлого века подписал с Великобританией первое неравноправное соглашение, вошедшее в историю как «договор Боуринга», по которому англичане стали пользоваться на сиамской земле правом экстерриториальности. Что же, начало, как говорится, было положено. Капиталистические страны, стремившиеся удовлетворить свои интересы в Сиаме, выстроились в длинную очередь. Шаг за шагом, в течение непродолжительного периода кабальные соглашения навязали Сиаму Франция, США, Дания, Португалия, Голландия, Швеция, Норвегия, Италия, Испания и другие государства. Пароходы под пестрыми европейскими флагами вереницей потянулись к берегам Сиамы, снабжая своего азиатского «партнера» промышленными товарами. В обратные рейсы трюмы загружались продовольствием и ценным сырьем.

Эти договоры закрепили бесправие Сиамы. Страна попала в клещи империалистических держав, жадная лапища капитализма сдавила ее горло, лишив Сиам независимости, превратив его фактически в колонию не

одной, а сразу нескольких западных стран. Хотя, с
вторую, формально Сиа́м был свободным, независи́мым
государством. В этих условиях сиа́мскому королю
но было заручиться поддержкой сильного союзника, ко
торый не имел бы никаких территориальных притязаний
в Юго-Восточной Азии и на которого можно было бы
опереться в борьбе за сохранение независимости. Тако
го союзника Сиа́м нашел в лице России. В 1898 году
в Ба́нкок прибыла первая русская дипломатическая
миссия во главе с посланником Е. А. Оларовским.

В двадцатых годах тайландские дипломаты, искусно
используя сложившуюся международную обстановку, до
бились отмены большинства неравноправных статей со
глашений с капиталистическими державами, в первую
очередь отмены права экстерриториальности для ино
странцев. В ноябре 1936 года правительство денонси
ровало все прежние договоры и восстановило политиче
ский и таможенный суверенитет.

После второй мировой войны, во время которой
в Таиланде хозяйничали японцы, диктовавшие стране
внешнюю и внутреннюю политику, на сцену в полный
рост вышла изощренная американская дипломатия,
пустив в ход весь арсенал своих испытанных средств.
Проявив дьявольскую хитрость, она заняла монополю
ное положение в Таиланде и если не вытолкнула на за
дворки остальные империалистические государства, то,
уж во всяком случае, изрядно их потеснила...

— Вы в Ба́нкок? — прервал мои раздумья сосед
таец, заговорив по-английски.

— В Ба́нкок.

— Первый раз?

Я кивнул.

— Надолго?

— Похоже, что да, — ответил я, задумываясь о тех
сроках, когда я снова встречу с Москвой. Стало оди
ноко. В далеком теперь доме остались мои родные, близ

кле, друзья. Показалось, будто я опять вижу их из окна самолета. Они стоят на отведенной для провожающих круглой башне-бокале в Шереметьеве и прощально машут вслед самолету, на борту которого находится тот, кто с детства хотел воочию увидеть этого чёртова белого слона.

— Знаете ли, — склонившись к иллюминатору, сказал сосед, будто подслушав мою мысль, — Таиланд сверху, с воздуха, по очертаниям выглядит как слон. Вернее, как голова слона.

Я даже вздрогнул от неожиданности.

— С самолета вы этого, правда, не заметите, — продолжал мой сосед, — а вот если посмотреть на карту...

Слушая собеседника, я мысленно рисовал себе очертания Таиланда. Сосед был близок к истине. При известном воображении возникала гигантская голова слона площадью в 514 тысяч квадратных километров. Хоботом, омыпаемым с запада Андаманским морем и водами Сиамского залива с востока, слон упирался в Малайзию. Плато Корат, граничащее с Лаосом и Камбоджей, представлялось огромным повисшим ухом. Верхняя часть головы соприкасалась с Бирмой. В общем, сходство со слоном несомненное!

— А как в Таиланде насчет действительных слонов? И притом белых? — Я сделал ударение на слове, указывающем цвет.

— По последним данным, в стране осталось чуть более одиннадцати тысяч слонов. Я говорю об обыкновенных, так сказать, вульгарис. Что же касается белых, то и такие имеются. — Сосед хитро улыбнулся. — Сам увидите. Белый слон — животное редкое, священное.

Стюардесса разносила газеты.

— Вам бирманские или таиландские? — спросила она.

— Таиландские, пожалуйста.

— Какие именно? — последовал вежливый вопрос.

Будучи малосведущим в вопросах, связанных с периодической печатью Таиланда, я на всякий случай сказал:

— Все.

Естественно, говоря «все», я имел в виду все те газеты, которыми располагала стюардесса.

— Всех, к сожалению, нет. — Она мило улыбнулась. — Возьмите эти. — И бортпроводница протянула мне объемистую пачку.

Две газеты в ней были на английском языке: «Бангкок пост» и «Бангкок уорлд»*. Остальные — на тайском. Зарубежная информация, как я сразу же заметил, давалась в основном со ссылками на Юнайтед Пресс Интернэшнал, Рейтер, Ассошиэтед Пресс, Франс Пресс... Комментариев местных журналистов очень мало.

Из газет я узнал, что в одной тайландской провинции власти провели семинар для жен государственных чиновников, которых устроители семинара призвали не вмешиваться в служебные дела своих мужей. Выяснил затем, что за год в Таиланде конфисковано контрабандных товаров на 100 миллионов бат**. Сообщали газеты и о том, что в двухстах трущобных районах Бангкока подавляющее большинство детей не ходит в школу из-за отсутствия у родителей средств, хотя по закону все дети, достигшие 7 лет, должны учиться. Огромное место на газетных страницах отводилось уголовной хронике и рекламным объявлениям: продавалось, менялось, сдавалось буквально все. Страницы пестрели фотографиями разбитых автомобилей, пойманных убийц и воров, закованных в кандалы и в наручниках, полуголых девиц с указанием того бара или ночного клуба, где

* Сейчас в Бангкоке выходят три газеты на английском языке. К двум упомянутым прибавилась газета «Найин».

** Один рубль равен 23 батам.

они «дают танцевальные представления», следуя самым последним образчикам западного «шоу».

Представляю, каково было бы удивление от этих «шоу» одного из тайландских королей, а именно Чулалонгкорна, написавшего в начале нынешнего века книгу «Клайбан» («Вдали от дома») о своих впечатлениях от поездки по странам Европы, в которой он, в частности, отмечал: «Европейцы находят нашу манеру танцевать странной и смешной... а для сиамцев европейская манера танца кажется отвратительной и шокирующей; одежда танцора короткая; они танцуют и прыгают словно обезьяны. Стыдно за женщин, вынужденных так танцевать. Говорят, что в этом нет ничего позорного, но и Сиаме мы нашли бы эту манеру аморальной...»

Однако поражаться нечему. Газеты в Таиланде издаются частными компаниями. А раз так, то их владельцев, понятно, интересует прежде всего коммерческая сторона. А отсюда идет и все остальное.

Отвлек меня от чтения опять же сосед.

— Если бы она, — он указал в сторону стюардессы, — дала вам все газеты, то до Бангкока вы не успели бы их даже пролистать.

— Сколько же их?

— В самой столице печатается более десяти газет на тайском языке, две — на английском, свыше двадцати на китайском и есть еще пара еженедельников — тоже на тайском. Кроме того, тридцать шесть газет выходят в провинциях. Много, да? Вы читаете по-тайски? — вдруг воскликнул он.

— Да, в какой-то мере.

— А знаете, — не умолкал сосед, — как один эксперт из Чулалонгкорнского университета говорил о сложностях нашего языка? Нет? Он сказал, что если таец хочет произнести, к примеру, фразу «Большая черная собака гонится за маленьким белым котенком и покусывает его», то у него это будет звучать так: «Соба-

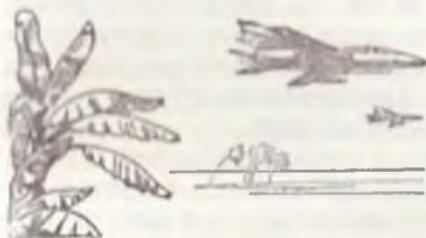
ки черное тело большое гонится, кусая кошки белое тело маленькое». Ха-ха! Не правда ли, забавный пример, а? — Сосед засмеялся. — А с нашими именами тоже занятно получается. Мы любим называть детей «маленькими поросеночками», «крошечными мышками» — так они до старости и остаются «поросеночками» и «мышками». Вот, например, наша Апасра Хонгсакун, ставшая в шестьдесят пятом году «Мисс юниверс» (самой красивой женщиной мира на данный год), тонкая, гибкая, подвижная женщина. А среди тайцев она известна как «толстушка». Это ее подлинная фамилия. Забавно, не правда ли? Было время, когда тайцы не имели фамилий. Только имена. А в тысяча девятьсот шестнадцатом году был принят закон, по которому потребовалась и фамилия. Многие выбрали себе длинные фамилии и в основном на санскрите. Их не только трудно произнести, но и почти невозможно запомнить.

Сосед еще что-то говорил о тонкостях своего языка, в котором существует несколько тонов, отсутствуют артикли и предлоги и вообще все пишется в одну непрерывную строчку без запятых и точек. Тайская письменность, по его словам, не претерпела значительных изменений со времен ее возникновения и практически выглядит сейчас так, как ее создал в конце XIII века правитель княжества Сукотай Рама Камхенг, который взял за основу мон-кхмерскую письменность. Сосед объяснял, что разговор с королем желательно вести на «рачасап» — придворном языке, с употреблением лишь самых изысканных выражений, чтобы не оскорбить утонченный слух монарха. Слова грубые, повседневные заменяются искусственно произведенными, отличными от простонародных. Причем придворным, по утверждению соседа, разрешено сообщать королю только приятное.

Я слушал соседа не очень внимательно, поскольку и сам кое-что уже знал, но главное — потому, что то и дело поглядывал в иллюминатор. Мы снижались.

На табло загорелась надпись: «Пристегнуть привязные ремни; воздержаться от курения». Самолет шел на посадку. Под крылом появился город, в котором мне предстояло работать. А вместе с тем вести и поиски. Поиски белого феномена.

Вот он, Бангкок, некогда «оливковая деревня», столица Сиам, которую ее основатель, король Рама Первый, назвал Крунг Тхэп Пра Маха Након Амон Раманано-сидра, что в переводе на русский означает «королевский город ангелов, сокровищное местопребывание Индры».

«Фантомы» вместо слонов

Резво припустившись за своей тенью, самолет наконец догнал ее, подпрыгивая на бетонной дорожке аэропорта «Донмыанг». Прodelав два-три разворота, он, в точности копируя маневры впереди идущего «джипа» с надписью «следуй за мной», занял место в длинной шеренге своих воздушных собратьев, почти напротив здания аэровокзала, над которым развевался полосатый флаг королевства.

Познания соседа-тайца оказались неиссякаемы. Информация так и выплескивалась из него. Пока отдраивали двери и подгоняли трап, он успел рассказать историю появления нынешнего флага страны.

В былые времена на красном фоне полотнища изображался белый слон. (Опять белый слон!) Как-то в начале нынешнего века король Вачиравуд отправился в

поездку по провинциям, серьезно пострадавшим от наводнения. На одном из домов он заметил перевернутый флаг. Взглянув на болтающегося вверх ногами слона, Вачиравуд закипел от ярости. Возвратившись в столицу, король тотчас отдал приказ, которым в Сиаме вводился новый флаг — две красные полосы, две белые и посередине одна широкая ярко-голубая. Вешай, дескать, как душе угодно — не ошибешься. Красный цвет символизирует кровь, которую тайцы готовы пожертвовать за страну и религию, белый олицетворяет чистоту Тинтаки, или «трех корзин» мудрости, вобравших в себя учение буддизма и сведения о нем, а голубой, соответственно, не что иное, как цвет королевской крови.

Вот такой флаг и трепетал над главным зданием «Донмыанга», крупнейшего международного воздушно-го порта Юго-Восточной Азии, точки пересечения многих и многих мировых авиалиний.

Как я и ожидал, столица Таиланда встретила меня отнюдь не вереницей белых слонов. Ступив на трап, я на долю секунды задержался, словно уперся грудью в непреодолимую преграду. Ослепительное солнце больно ударило по глазам, заставило зажмуриться, стало трудно дышать. Казалось, я каким-то чудом попал в излишне перегретую сауну, единственный выход из которой находился там, за спиной, в кондиционированном салоне самолета. Впрочем, сравнение с финской баней не совсем удачное, поскольку воздух был невероятно влажным. Скорее это была раскаленная парилка. Рубашка мгновенно прилипла к телу, лицо и руки покрылись испариной. При сорокаградусной жаре влажность была просто невыносимой.

Из справочников я почерпнул, что климат Таиланда делится на три более или менее различных периода: с февраля по май — жаркий, с июня по сентябрь — дождливый, а с октября по январь — прохладный. Забегая вперед, должен сказать, что никакого особого раз-

личия между этими периодами я не обнаружил: круглый год здесь стоит невероятная жара и постоянно ощущается сильнейшая влажность.

По асфальтовому полю стелилась дымка: только что прошел короткий, но обильный ливень, а теперь отвесные лучи солнца быстро и жадно поглощали сохранившиеся кое-где остатки луж. Местами асфальт уже высох и начинал плавиться.

«Донмыанг» предстал перед моим взором еще с воздуха, когда самолет заходил на посадку: два здания аэропорта и две широких взлетно-посадочных полосы. Помимо гражданских функций, аэродром выполнял и военные. Он входил в число семи наиболее крупных военно-воздушных баз, построенных в Таиланде Пентагоном.

Ярко выкрашенные вагончики без дверей и окон, поглотив пассажиров, прибывших из Рангуна, катили к одному из зданий — к тому, которое располагалось поближе. Внезапно раздался резкий рев мощных моторов, переходящий в продолжительный пронзительный свист. Все мы невольно обернулись в сторону второго аэровокзала, с виду напоминавшего старинные казармы. Оттуда с параллельной взлетной дорожки взвилось в небо звено «фантомов» с опознавательными знаками военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки. Снова резкий свист — и в воздухе еще одно звено «фантомов», окрашенных в защитно-пятнистый цвет. Свист — звено, свист — звено... Военно-воздушная база США функционировала день и ночь, постоянно напоминая тайцам, что Соединенные Штаты пеклись о безопасности Таиланда, защищая страну от «коммунистического проникновения».

Гражданский аэродром тоже был оккупирован американскими «эйр форс», военными летчиками. Слева от центрального входа в здание для прибывающих пассажиров, как коршуны, размещались закамouflированные

военные транспортные самолеты США, в любой момент готовые сорваться с места. Гигантскими жуками выглядели зеленые вертолеты, застывшие неподалеку. По полю во всех направлениях шныряли армейские машины, развозя находящиеся в них и облаченных отнюдь не в парадную форму солдат Пентагона по самолетам и геликоптерам. Путь этих «джи ай» лежал во Вьетнам * через военные базы США Утапао, Удон, Корат, Убон, Након Паном, Такли, где они должны получить оружие и инструкции. По всей вероятности, это были отпускники, весело прокутившие в Бангкоке положенные им две недели, оставившие не одну сотню зелененьких в ночных барах и турецких банях. Завтра эти «гуд бойсы», безмятежно жующие сейчас «чуинг гам», вновь займутся работой разрушителей, снова будут бомбить мирные города Вьетнама, уничтожать детей и стариков. Одни отправятся во Вьетнам и никогда больше оттуда не возвратятся; другие, получив доллары за выполненные задания, пропустят двойное виски в обществе «стрит герлс» (или попросту уличных девок) за упокой души погибших на этой войне приятелей. Это профессиональные истребители, перед которыми была поставлена задача любимыми средствами «вдолбить Вьетнам в каменный век», уничтожить там все живое. На борту своих самолетов — стратегических и сверхзвуковых, тяжелых и легких, бомбардировщиков и истребителей — они несли оружие, сеющее смерть и разрушение: напалм, зажигательные снаряды и химкаты, самонаводящиеся бомбы, бомбы шариковые, прозванные за свой вид «ананасами», электронные датчики и кристаллы йодистого серебра...

К таможенному офицеру я подошел следом за группой американских туристов. Их было человек пятна-

* В тот год, о котором идет речь, развязанная империалистами война во Вьетнаме расширялась. Как известно, конец агрессии был положен подписанием 27 января 1973 года в Париже соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

дцать. За мной — никого. Американцы прошли контроль с быстротой курьерского поезда и, получив свои паспорта, шумно удалились, исчезнув где-то в многочисленных залах и переходах аэропорта. «Здорово работает, — подумал я о таможеннике, — четко». Настал мой черед. И вот чиновник внимательно перелистывает паспорт с золотым тиснением герба Союза Советских Социалистических Республик.

— Надолго в Таиланд?

— До окончания срока командировки, — пояснил я и добавил: — Года на три.

— Понятно. Придется вам немного обождать.

Таможенник куда-то удалился. Время шло. Пять... десять... пятнадцать минут. Я принялся рассматривать стены зала. Удобная это вещь — реклама. С ее помощью выяснилось, что в отеле «Рама» всегда имеются свободные номера на выбор. Оказалось, что пиво надо пить только марки «Кратинтонг», а сигареты курить лишь «Голд сити», поскольку они наиболее ароматные, самые безвредные и сделаны из лучших сортов вирджинского табака. Внимание мое привлекло также объявление, в котором говорилось, что лицам с американским паспортом въезд в королевство разрешен без визы сроком на пятнадцать дней. Вот, значит, откуда такая резвость у таможенного чиновника. Гражданам Соединенных Штатов достаточно лишь продемонстрировать свои документы.

Стеклянная перегородка разделяла зал на две половины. За ней находилось помещение для отъезжающих. Снова поразило обилие парней в форме «джи ай». «Гуд бойсы» веселились. Они сидели по ту сторону прозрачной стены, полуразвываясь, отдельными компаниями. Традиционно поместив ноги на маленькие столики для кофе, она не торопясь посасывали пиво и виски. Клубился сигарный дым. Время от времени раздавались взрывы хохота.

345712

Появились тайские девушки в национальных платьях с гирляндами живых цветов. Они пришли проводить солдат, у которых на рукавах были нашиты изображения большой крадущейся кошки. Это эмблема тайландской дивизии «Черные леопарды». Путь «леопардов» тоже лежал во Вьетнам...

Почти одновременно по радио объявили о прибытии двух самолетов из Европы. Вскоре зал наполнился пассажирами английской авиакомпании ВОАС и западно-германской — «Lufthansa». Поднялся невероятный гвалт. Обменивались первыми впечатлениями туристы, в большинстве своем седовласые дамы и их степенные мужья, с криками носились дети, высвободившись наконец из тесноты и узости самолетных салонов, заговорщически обсуждали дела бизнесмены с неизменными атташе-кейсами в руках, брэнчали на гитарах волосатые, в сандалиях на босую ногу, раздрюпанные хиппи мужского или женского пола.

...Вернулся таможенник. Вежливо извинившись за «небольшую задержку», он подал мой паспорт.

— Пожалуйста. Визу мы дали вам на пятнадцать дней.

Я взглянул на миниатюрный календарик, прикрепленный к ремешку часов. 16 апреля. 16 апреля 1968 года. Стало быть, в конце месяца моя виза кончалась. Странно. Ведь я приехал не на две недели. Почему же...

— Если пожелаете задержаться дольше, — как бы отвечая на мой мысленный вопрос, продолжал таможенник, — то обратитесь в Иммиграционный департамент. Там продлят. Кстати, он находится недалеко от вашего посольства. Улица Саторн. Северный Саторн.

Наконец-то я смог двинуться туда, где уже более получаса назад скрылась группа американских туристов. Предстояло получить багаж.

Мини-Таиланд

Можно ли на участке размером в один гектар дать полное представление о стране, площадь которой превышает пятьсот тысяч квадратных километров? Можно ли на таком сравнительно крошечном клочке земли наглядно и полно показать, как живет народ Таиланда, чем он живет, познакомить с флорой и фауной этой расположенной в тропиках страны, рассказать о производстве в ней основных продуктов сельского хозяйства и промышленности, о народном искусстве, национальных спортивных играх и еще о многом, многом, что в совокупности определяет лицо страны.

Путеводитель по Тимленду дает на данный вопрос утвердительный ответ.

Что такое Тимленд?

Если это слово сначала расшифровать, а затем перевести на русский язык, то получится «Таиланд в миниатюре».

Каждый, кто прибывает в Бангкок самолетом, невольно обращает внимание на огромную красочную рекламу, находящуюся примерно на полпути между аэропортом «Донмыанг» и собственно столицей. Плакат этот с изображением слонов, перетаскивающих бревна, призывает посетить Тимленд и поставлен в том месте, где от основной магистрали отходит в сторону узкая проселочная дорога, заманчиво и таинственно скрываясь в зарослях густых зеленых растений.

Нам, как, видимо, и всем впервые очутившимся в Таиланде иностранцам, любопытно и интересно было узнать, что же представляет собой этот загадочный «мини-Таиланд».

Машина медленно ползла по пыльной дороге, изви- вающейся среди плотного невысокого кустарника и множества разнокалиберных пальм. То там, то тут на обочинах попадались иссушенные палящим солнцем змеи, раздавленные колесами автомобилей.

Вскоре мы подъехали к высоким, красного цвета воротам из тика, покрытым изящной мелкой резьбой. «Тимленд» — гласили золотые буквы на них. Поставив машину под специально оборудованным навесом и пройдя нехитрую процедуру, в результате которой каждый из нас лишился пяти долларов, а взамен получил входной билет, мы оказались на территории «Таиланда в миниатюре».

Согласно программе, врученной нам вместе с билетами при входе, до начала представления оставалось еще около полутора часов. А пока следовало осмотреть Тимленд самостоятельно.

Первым, с чем предстояло ознакомиться, был процесс выращивания и обработки риса.

В любом справочнике, в любой книге о Таиланде сказано, что страна эта аграрная, что большинство населения занимается сельским хозяйством, что главная культура — рис и ежегодное его производство составляет 12—13 миллионов тонн, что под этой культурой занято почти 90 процентов обрабатываемой площади.

Участок земли в экспозиции Тимленда, где выращивали рис, был разбит на несколько маленьких квадратов, наполненных водой и отделенных друг от друга невысокими насыпями. В одном из квадратов крестьянин в саронге — кусок материи, обернутый вокруг пояса, — да в соломенной шляпе пахал землю. Он почти

по колено в мутной жиже ходил с плугом за буйволом, демонстрируя зрителям, как надо взрыхлять почву под рис...

Примитивный плуг, деревянная соха, мотыга и серп — вот в основном и все орудия сельскохозяйственного производства тайских крестьян. Никаких современных механизмов, никаких машин для облегчения тяжелого ручного труда. Впрочем, скажем для точности, машины есть. Весь вопрос в том — у кого. В стране господствует полуфеодалное землевладение. Двадцать процентов крестьян своей земли не имеет. Им приходится арендовать участки, лишаясь при этом половины, а то и более, урожая, которую они вынуждены отдавать помещику. Непомерные налоги и эксплуатация со стороны торгово-ростовщического капитала превращают крестьян в самую бедную, самую угнетаемую массу. Многим из них выращиваемого риса хватает лишь на то, чтобы прокормить свою семью. Каждый, как правило, производит рис в одиночку. Однако если сил и средств для выращивания урожая в одиночку с трудом, но все же хватает, то приобрести современные орудия производства единолично совершенно невозможно. Тайскому крестьянину, даже тому, который имеет свой клочок земли, подобная роскошь не по карману. Все это, естественно, не может не сказываться на производительности труда в сельском хозяйстве. Она в Таиланде очень и очень низкая.

В другом квадрате мы увидели женщин, высаживающих рассаду риса. Не разгибаясь, они медленно передвигались в воде, втыкая зеленые молодые побеги в землю на расстоянии двадцати — двадцати пяти сантиметров один от другого. Тут же демонстрировалось устройство, с помощью которого тайландские крестьяне качают воду из каналов-кюльгов на поля. Двое молодых ребят, нажимая на деревянные, наподобие велосипедных, педали, приводили в движение цепь с наса-

женными на нее тиковыми лопастями. Вода медленно струилась по бороздкам...

В последнем квадрате крестьяне серпами срезали стебли уже созревшего риса и связывали их в снопы. Затем снопы разбрасывали на площадке, посередине которой врыт в землю кол. Это ток. К колу был привязан буйвол. Он лениво ходил по кругу и топтал стебли, выбивая из них зерно. Рядом, под навесом — так называемая молотилка. Молотили вручную, как это делали еще в минувшем веке. Наполнив рисом большой чан, несколько человек деревянными молотами поочередно били по зерну, стараясь попасть непременно в центр чана, чтобы рис не просыпался и не разбрасывался в стороны.

Таиланд издавна славится изделиями из бронзы, из редких пород дерева, славится шелковыми тканями, драгоценными и полудрагоценными камнями, изделиями из селадона, проще говоря, из керамики. Все это мы увидели в одном из демонстрационных залов Тимленда. Часть этого обширного зала была отведена под гончарный цех. Несколько мастериц-таек, ловко раскручивая ногами гончарные круги, быстро изготавливали глиняные тарелки, вазы, горшки. Другие лепили фигурки людей, рыб, животных, делали пепельницы, подсвечники, основания для настольных ламп... Художники после обжига все это тут же, на глазах посетителей, раскрашивали и покрывали лаком. Каждый мог приобрести тайский селадон прямо, как говорится, «с огня».

Добрая половина следующего помещения была заставлена ткацкими станками. Станки старые, допотопные. Впечатление, будто они попали сюда, в Тимленд, из русской деревни начала прошлого столетия. Тем не менее из-под рук ткачих выходила красивая шелковая ткань, восхищавшая нежным, тонким восточным рисунком и удивительно мягким подбором красок.

В этом же зале была устроена выставка национальных музыкальных инструментов. Их более пятидесяти. Мы увидели здесь чинг, ангалун, чакау, клонг тад, со дуанг, со у, тапон, пинай, сосамсай... Последний, к примеру, напоминает скрипку. Рассказывают, что король Рама Второй, правивший страной в начале минувшего века, был очень одаренным человеком. Он писал пьесы, сочинял стихи, был искусным мастером резьбы по дереву, сочинял музыку. Но одним из главных его увлечений была игра на сосамсае. Рама Второй так любил этот музыкальный инструмент, который, кстати говоря, делали только из редких пород кокосовых пальм, произраставших в районе Бангчанга, что издал специальный указ, освобождающий от налогов тех плантаторов, которые выращивали такие пальмы. Говорят, у короля был свой сосамсай, чуть ли не лучший в стране. За чистоту и нежность его звучания Рама Второй назвал тот инструмент «сверкающим». Где находится этот королевский сосамсай сейчас, никто не знает. Он бесследно исчез. Одни настаивают на том, что когда-то «сверкающий» был помещен в Национальный музей, другие полагают, что такого инструмента и вообще-то не было...

Время, отведенное на самостоятельный осмотр Тимленда, истекало, до начала представления оставалось каких-нибудь десять-пятнадцать минут, и мы, следуя примеру остальных посетителей «мини-Таиланда», направились в сторону центральной площадки. Путь наш лежал мимо аквариумов, где плавали рыбки и рыбины всевозможных цветов и размеров, мимо террариумов, кишевших ящерицами, змеями и крокодилами, мимо клеток со сказочными птицами, сиамскими котами, обезьянами-тонкотелами, гиббонами, макаками. Обезьян-тонкотелов в южных провинциях страны используют как рабочую силу: их приучают собирать кокосовые орехи. Забираясь высоко на пальмы, обезьяны крутят плоды

до тех пор, пока орех не оторвется, а потом скидывают кокосы своим хозяевам.

Когда мы подошли к центральной площадке «Таиланда в миниатюре», то в первый момент с сожалением подумали, что опоздали, так как толпа людей с интересом за чем-то наблюдала. Раздавались одобрительные выкрики, а время от времени возгласы разочарования. Несколько молодых тайцев в спортивной одежде, у которых на майках были выведены большие буквы «Тимленд», играли в «такро». Эта национальная игра очень популярна в Таиланде. На школьных площадках во время перемен, во дворах и просто на улице часто можно видеть, как тайцы, разбившись на команды или просто в кружок, играют в «такро». В Тимленде спортсмены пытались, и небезуспешно, забросить полый мяч, сплетенный из стеблей пальмы ротанг, в подвешенную высоко над ними корзину. Они перекидывали этот мяч друг другу, причем по правилам игры до мяча запрещено дотрагиваться кистями рук. Не положено также ронять его на землю. Удары следует производить ногами, локтями, плечами, коленками... Опытные игроки ухитряются забивать мяч даже спиной.

Наконец по репродуктору объявили о начале представления. Первый номер программы — народные танцы. На площадке появилось не менее ста девушек в пестрых, переливающихся на солнце национальных костюмах. Смотришь на танцовщиц и понимаешь, что не зря Таиланд считается страной красивых женщин. Тайские танцы... В основном они медленные, спокойные, плавные и вместе с тем очень выразительные. Глядя на девушек, как бы видишь, что вот сейчас они собирают урожай, а вот ткут шелк... Каждый танец имеет свой смысл. Тема каждого взята из повседневной народной жизни. Зрелище яркое, красочное. На головах у танцовщиц — конусообразные тайские шапочки. В такт музы-

ке девушки делают движения пальцами с надетыми на них длинными бронзовыми наконечниками.

Затем была показана работа слонов. Обычная работа, которую эти могучие животные выполняют во многих тайландских провинциях. Два слона принесли откуда-то бревна, аккуратно сложили их штабелем, подровняли хоботами ряды и столкнули их в небольшой пруд, после чего проделали ту же операцию, только в обратном порядке — точно как в кино, когда по недосмотру разъявы-киномеханика пленку пускают задом наперед. Слоны выловили бревна из воды, сложили их штабелем, подровняли и куда-то унесли.

Далее мы стали свидетелями петушиного боя, схватки воинов на тайских мечах — «краби крабонг», на копьях, просто на палках, видели, как укрощают королевских кобр, показали нам тайский, или сиамский, бокс, который от всем известного бокса отличается лишь тем, что во время матча партнеры не только имеют право, а должны лупить друг друга ногами и наносить удары головой. Нередко подобные схватки кончаются трагически. На соревнованиях в Лампанге, например, были убиты враз оба партнера. Один скончался тут же, на ринге, другой — в госпитале на следующий день. Тайцы говорят, что власти одно время подумывали об исключении из сиамского бокса наиболее опасных элементов. Но увы... Именно самые зверские приемы делают тайский бокс прибыльным бизнесом, привлекают к соревнованиям местных богачей и «фарангов», как население Таиланда именует иностранцев.

Представление завершила сцена из классической танцевальной драмы в масках, по-тайски — «кон».

Трудно сказать, когда зародилось искусство «кон». Доподлинно лишь известно, что более шести веков тому назад, во времена, когда столицей государства был город Сукотай, постановки «кон» уже существовали.

Правда, тогда, как и позднее, в период Аю́тия (об этом речь впереди), «кон» ставился только избранными и только для избранных. Это было искусство придворное, и принимать участие в спектаклях могли лишь принцы, министры, члены королевской семьи, приближенные монархов. К прошлому веку, уже в бангкокский период, «кон» вышел из дворцов. Представления стали даваться на открытом воздухе, причем нередко в них участвовали живые слоны. Сейчас «кон» — популярный народный спектакль. Тайский вариант индийской «Рамаяны» — «Рамакиан» служит чуть ли не единственным источником тем для «кон». А для того чтобы сыграть на сцене весь спектакль «Рамакиан» от начала до конца, требуется не один вечер и даже не одна неделя.

Итак, перед нами прошла одна из заключительных сцен «Рамакиан» — жестокая битва между обезьянами, которые помогали принцу Раме вернуть свою Ситу, и демонами, укравшими эту легендарную красавицу. Танцы сопровождались громкой тревожной музыкой, актеры исполняли невероятные акробатические номера. Все участники спектакля были в ярко раскрашенных масках.

На этом осмотр Тимленда окончился. Мы узнали, что такое «Таиланд в миниатюре». Однако, думается, нам показали лишь часть лица Таиланда, причем выбранную кем-то специально для туристов. Надо еще многое повидать своими глазами, так сказать, в натуре, чтобы из пестрой мозаики фактов, из нагромождения разрозненных сведений и событий вынести представление об истинном лице страны.

В погоне за «Падающим дождем»

В любом тайландском доме, будь то соломенная хижина бедняка или мраморный особняк миллионера, на самом видном месте, а значит, и на самом почетном, помещены портреты короля и королевы, украшенные в знак наивысшего почитания и уважения гирляндами живых цветов.

Когда на улицах Бангкока появляется окруженный эскортом мотоциклистов лимонного цвета лимузин ныне правящего монарха, выдержанный в стиле двадцатых годов, однако с мощным современным двигателем, когда раздается душераздирающий вой полицейских сирен и этот «трон на колесах» проливает неторопливо по городу, люди благоговейно склоняют головы.

Король Пумипон Адульядет ездит всегда на одном и том же автомобиле, хотя в королевском дворце «Гранд палас» имеется специальное помещение, где выставлена коллекция транспортных средств, причем все они, как утверждают, на ходу. Здесь можно видеть «рено» 1909 года и «Вандер Верке», 16-цилиндровый «кадиллак» выпуска 1935 года и современные шикарные машины. Особый интерес в коллекции вызывают давно забытые в автомобильном мире машины «Пронзающая стрела» и «Горячий поцелуй». Постоянно пополняя свою коллекцию, монарх предпочитает все же передвигаться на своем лимонном лимузине.

В прошлые времена простым смертным в соответ-

ствии со специальным указом строжайше запрещалось прикасаться к главе государства и членам его семьи. Ослушание каралось смертной казнью. Действовал также закон, по которому «не рекомендовалось» глядеть на королевских особ и предписывалось закрывать ставни, двери и окна при их приближении. В «нарушителей» стража стреляла глиняными пулями. Поводом для отмены первого декрета послужил трагический случай: однажды королева Сиам, прогуливаясь по реке, упала с лодки в воды Чао Прайи и... утонула, поскольку ни один из присутствовавших при этом не посмел кинуться ей на помощь и протянуть руку. Второй запрет был снят при короле Монгкоте (1851—1868 гг.), когда одному из любопытных глиняная пуля попала в глаз.

Неизменным в Таиланде является порядок, когда во всех кинотеатрах после каждого сеанса на экран проецируется цветной слайд с изображением короля. Зрители встают и молча прослушивают государственный гимн страны. А с экрана на них смотрит человек лет под пятьдесят с правильными чертами лица, худощавый, стройный, в очках. В одних кинозалах он предстает перед зрителями в гражданской одежде, в других — в специальной военной форме «наиверховного» главнокомандующего тайландских вооруженных сил.

Ежегодно 5 декабря, в день рождения короля, две крупнейшие тайландские газеты — «Бангкок уорлд» и «Бангкок пост» — выпускают иллюстрированные сборники-приложения с подробным описанием деятельности короля Пумипона Адульядета, известного также под именем Рамы Девятого, полный титул которого — Его Величество, Верховный духовный владыка, Великая земная сила, Несравненное могущество, Величайший в королевстве, Повелитель Рама, Правитель королевства, Глава суверенного народа, Король Сиам, Верховный защитник и монарх. Подборки фотографий свидетельствуют о его занятости. Раскроем наугад один из

журналов. Вот король, будучи покровителем государственной религии — буддизма, присутствует на религиозном празднике в храме Изумрудного Будды и на ежегодной церемонии «Тод пха па» в ват По (ватами тайцы называют храмы), раздавая монахам оранжевые тоги. А вот глава государства на приеме в своем королевском дворце поднимает бокал с шампанским за здоровье американского президента. Далее Его Величество «наиверховный» главнокомандующий вооруженных сил посещает районы, где проходят очередные военные учения войск СЕАТО..

Все это его официальные обязанности, так же как подписание указов, прием верительных грамот от иностранных послов, управление королевской ладьей во время фестиваля «Тод катин» и многое иное. На других снимках король изображен в ходе инспекционной поездки в район, пострадавший от наводнения, где он дарует крестьянам пищу и одежду. Следом идут фотографии частного характера: король поднимается на высшую ступеньку пьедестала почета, завоевав титул чемпиона страны по парусному спорту; играет на саксофоне в Чулалонгкорнском университете и т. д. и т. п... Во многих биографических исследованиях о Пумипоне Адульядете наряду со сведениями о дате и месте рождения, об образовании и числе его детей содержится и такая информация: король занимается фотографией, увлекается автогонками, разводит домашний скот и птицу, выращивает пробные сорта риса, играет в бадминтон, он отличный музыкант, много времени проводит в принадлежащих ему мастерских, где собственноручно смастерил яхту.

Да, Рама Девятый действительно прекрасно играет на нескольких музыкальных инструментах, включая саксофон и пианино. Кроме того, он сочиняет музыку. Им написано более двухсот вещей. Наибольшей популярностью пользуется его песня «Падающий дождь», с ко-

торой у меня однажды получилась довольно любопытная история.

Мне было поручено срочно раздобыть ноты любого королевского произведения, хоть какого-нибудь. Но лучше, чтобы это был «Падающий дождь».

«Обязательно найдите ноты, — предупредили меня. — Трех часов хватит?»

«Вполне», — ответил я, прикинув, что этого даже и многовато.

Первым делом я отправился в Центральный универсам на Силоме. В четырехэтажном магазине из металла, стекла, бетона и пластика, с кондиционированным воздухом, эскалаторами и лифтами, где практически можно было приобрести любую нужную и ненужную вещь, произведений короля не оказалось: распроданы. Продавец из музыкального отдела охотно просвистел мне мотив «Падающего дождя» и вполне прилично пробарабанил на рояле несколько других королевских сочинений.

Почувствовав некоторую тревогу, я помчался в китайский квартал Бангкока, на улицу Эварат. Этот квартал представляет собой сплошные ряды лавчонок, забитых от пола до потолка всякой всячиной. Сушеная рыба переслаивалась здесь с сахаром, чеснок — с креветками, рубашки — с авторучками, зажигалки — с посудой, резные деревяшки — с ювелирными изделиями из золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, настоящих и поддельных. Из харчевен валил густой запах чеснока, жарившегося в соевом масле.

На Эварате не менее трех известных мне музыкальных магазинов. Конечно, назвать магазинами крошечные помещения, в которые с трудом втискиваются три-четыре человека средней комплекции, можно лишь с огромной натяжкой. Но все же это магазины с разнообразной музыкальной продукцией. Среди нее нужных мне нот не было, а вот грампластинки с записью королевских песен нашлись. Пластинки меня не устроили.

и, нервно повторяя в уме напутственные слова: «Обязательно найдите! Трех часов хватит?» — превратившиеся для меня каким-то немислимым образом в музыкальную фразу, я снова двинулся в путь.

Мне пришлось побывать на противоположном берегу реки Чао Прайи, в Тонбури, городе-спутнике, бывшем когда-то (правда, недолго) центром государства непосредственно перед тем, как столица была перенесена в Бангкок.

Бангкок ведь сравнительно молодой город. Ему чуть более 190 лет. Тайцы частенько называют его Крунг Тэп, что в переводе означает «город ангелов». Однако и слово «бангкок» имеет свою расшифровку: «бан» — деревня, «кок» — оливы. Рама Первый, основатель нынешней династии Чакри, возвел город на месте, где была расположена деревушка, заросшая дикими оливковыми деревьями, и дал ему название Бангкок.

Заскочил я и в магазин на Пётбури и даже в лавочку на Петбури-экстенши, неизвестно каким образом затесавшуюся в этот огромный квартал баров и ночных клубов, дансингов и массажных, квартал, в котором днем жизнь замирает, как бы набирая силы перед очередным, наступающим с сумерками мощным разгулом.

«Обязательно найдите!..»

Вконец отчаявшись, я вдруг вспомнил о мистере Нобе, владельце транспортной компании. Если мне не изменяла память, как-то в разговоре он упоминал о своем приятеле, работавшем в музыкальной редакции бангкокского радио.

Добраться до конторы Ноба оказалось в тот день нелегко. На одной из улиц машину остановил военный патруль.

— Проезда нет. Район оцеплен.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— А! — пренебрежительно махнул рукой офицер. — Опять эти студенты! Митингуют, требуют. Нам бы приказ, мы с ними живо бы расправились! Молокососы! — Он потряс карабином. — Так что разворачивайтесь и давайте в объезд.

Лишь спустя день выяснилось, что же произошло: возмущенные незаконными действиями руководства одного из бангкокских высших учебных заведений, исключившего без всяких на то оснований группу студентов-активистов, учащиеся столицы устроили перед резиденцией премьер-министра внушительную демонстрацию протеста. Более суток сидели они на земле и ждали появления премьера.

Надо сказать, студенты своего добились... Активистов восстановили в правах, процесс учебы был несколько демократизирован, а наиболее реакционных преподавателей уволили.

Сообщая о студенческой демонстрации, местные газеты называли ее «неприятным эпизодом». Тому, что произошло перед роскошным особняком тогдашнего премьера Танома Киттикачона, пресса особого внимания не придавала. Среди обозревателей и комментаторов разногласий не было. Они дружно усмотрели в студенческом протесте не что иное, как «стихийный бунт». А между тем это было одно из первых организованных выступлений учащихся страны, один из первых робко потянувшихся к солнцу ростков недовольства, родившихся из семян народного гнева, долгое время дремавшего в бесплодном мраке военно-бюрократической диктатуры Таиланда.

Офицеру, который остановил мою машину и потрясал карабином, вряд ли тогда могло прийти в голову, что через два с половиной года эти самые студенты, эти самые «молокососы» встанут во главе антиправительственного движения и вместе с рабочими и фермерами свергнут ненавистный военный режим «кровавых мар-

шалов» — Танона Киттикачона и его заместителя Прата Чарусатнепа.

Два с половиной года спустя — 14 и 15 октября 1973 года — в стране разыгрались события, которые вошли в историю Таиланда как «кровавое воскресенье» и «кровавый понедельник». Более четырехсот тысяч человек приняло участие в манифестации, организованной студентами столичного Таммасатского университета. Плакаты в руках демонстрантов призывали к отмене чрезвычайного положения, проведению независимого внешнеполитического курса, борьбе с коррупцией, сокращению цен, ликвидации безработицы, увеличению заработной платы...

Двое суток продолжались ожесточенные вооруженные столкновения на улицах Бангкока. Основные магистрали столицы были перерезаны наспех сооруженными баррикадами. Против демонстрантов применяли меры жестокие и беспощадные. Их ослепляли слезоточивым газом, поливали свинцовым градом, давили танками и бронетранспортерами. Однако нет силы, способной парализовать волю целого народа. Правительство вынуждено было уйти в отставку. «Кровавые маршалы» спешно покинули страну. Так рухнуло почти сорокалетнее господство военной диктатуры, полностью подчинившей свою политику интересам американского империализма и превратившего Таиланд в плацдарм, с которого предпринимались попытки подавить национально-освободительные движения в Индокитае.

Активную политическую борьбу начали не только студенты и учащиеся школ и колледжей. В нее включились широкие народные массы, которые столкнулись с тяжелыми производными мирового экономического кризиса, затронувшего все без исключения страны капитала. Таиландские студенты, рабочие, крестьяне проводили ежегодно более пятисот крупных забастовок. Следует отметить, что власти вынуждены были в значи-

тельной степени удовлетворять требования трудящихся.

Однако сторонники военной диктатуры не складывали оружия. В политическом отношении небосклон Таиланда отнюдь не был безоблачным. В стране действовали ряд крайне реакционных группировок: «Красные буйволы», «Народ в защиту тайской нации», «Черный слон», «Народ в защиту справедливости», «Навапон», что в переводе означает «Девятая сила». Руководители «Навапона» — креатуры ЦРУ — высокопоставленные военные чины, представители высших слоев буржуазии. «Девятая сила» в прямом смысле охотилась за демократическими лидерами, учиняла над ними физическую расправу. Реакцией было уничтожено несколько руководителей молодежного движения. Газеты приносили все новые сообщения о подметных письмах с угрозами, которые реакция направляла в адрес многих государственных деятелей, даже в адрес премьер-министра, о митингах протеста против зверских убийств политических лидеров. Что касается «Красных буйволов», то эта группа, как полагают, связана со службой внутренней безопасности. Но о какой безопасности может идти речь, если в арсенале «Красных буйволов» были даже самодельные бомбы, которые они пускали в ход против студенческих демонстраций, из-за угла швыряя бутылки с горючей смесью в самую гущу колонн. Все реакционные группировки объединялись в антикоммунистический блок, открыто призывавший к восстановлению в стране американского военного присутствия.

В ответ на провокационные действия реакции прогрессивные силы Таиланда все теснее сплачивали свои ряды, выступали единым фронтом за коренные преобразования в стране. Среди требований, которые они выдвигали, — национализация крупных предприятий, активное проведение земельной реформы, ослабление зависимости от иностранного капитала.

«Террор нас не запугает». Эти слова принадлежат председателю социалистической партии Сомкиду Сисангкому, которые он произнес в феврале 1976 года на многотысячном митинге протеста против убийства правыми силами генерального секретаря партии Бунсиотаяна, 39-летнего профессора, получившего степень доктора философии в Корнелльском университете США. «Мы хотим мира и демократии, — сказал Сисангком. — И хотя гибель Бунсиотаяна явилась для нас огромной потерей, мы будем продолжать борьбу. Террор нас не запугает».

Через семь месяцев после убийства Бунсиотаяна армейская верхушка, всячески сопротивлявшаяся демократическим преобразованиям, ввергла страну в государственный переворот. Но все это происходило много позднее. А сейчас я схал к мистеру Нобу, моему хорошему знакомому, владельцу транспортной компании, друг которого работает в музыкальной редакции бангкокского радио.

Ноб встретил меня, как всегда, очень радушно. Да, я не ошибся. У него действительно есть на радио друг.

— Но зачем же так усложнять дело? — Ноб прошелся по комнате. — Вы про черный рынок слыхивали? Музыкальный черный рынок?

— Нет, — признался я. — Не слыхивал.

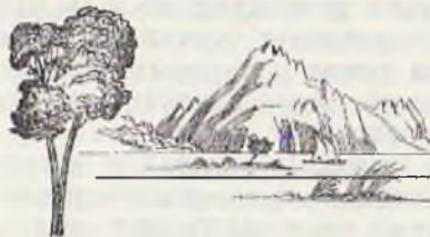
— Там-то мы наверняка найдем любые ноты. Не только нашего короля, но и вашего Прокофьева с Соловьевым-Седым. — Ноб расплылся в улыбке. — Едем сейчас же!

Помянутый рынок искусно спрятался в грязном бедном районе города, недалеко от площади «Трех кино-театров». Можно было сто раз проехать мимо и не догадаться, что здесь, совсем рядом, в глубине скопления серых двухэтажных домишек, происходит бойкая тор-

говля музыкальными инструментами всех эпох и всех народов, любимыми пластинками, песнями, нотами...

— «Падающий дождь»? — переспросил продавец. — Конечно, есть. — Он вытащил из-под прилавка толстый альбом в кожаном переплете. — Не только «дождь», а полное собрание королевских сочинений. Ах, не надо полного? Хорошо. Тогда вот «Падающий дождь», отдельное издание. — И протянул требовавшиеся мне ноты.

От трех выделенных мне на поиски «Падающего дождя» часов оставалось сорок минут, ровно столько, сколько требовалось, чтобы проделать обратный рейс, продравшись через многочисленные заторы и автомобильные пробки, которыми «славится» Бангкок.

Охотники за жемчугом

В древних книгах, написанных на санскрите, часто упоминается кольцо «Наваратана», или по-тайски «Ноп па кау», с девятью различными драгоценными камнями. Каждый камень имеет свое значение. Бриллиант несет силу, рубин предохраняет от слабости и укрепляет здоровье, изумруд защищает от клыков животных, топаз предвещает процветание и долгие годы жизни, гранат обеспечивает уважение, сапфир предохраняет от укусов змей, циркон приносит удачу, «кошачий глаз» — залог победы. Говорят, тому, кто носит «тайскую шапочку» — конусообразное кольцо с набором из этих девяти камней, — обеспечены здоровье и богатство. Насчет здоровья, видимо, преувеличено. А что касается богатства...

Надо иметь немалые деньги, чтобы приобрести кольцо, обеспечивающее богатство.

Сейчас «тайские шапочки» значительно подешевели. Не потому, что драгоценные камни упали в цене, нет, а оттого, что их заменили другими. Пожалуй, самым дорогим в современной «тайской шапочке» стал жемчуг...

Редко кому из фарангов выпадает возможность побывать на острове Кояо-яй. Добраться до него из Бангкока не так-то уж просто. Для начала нужно проделать более чем тысячекилометровый путь на остров Пукёт, который соединен со столицей железной дорогой, шоссе-сейной лентой и местной авиалинией «Таи эйруэйс». На Пукете следует нанять у рыбаков лодку или баркас и, лавируя между отвесно торчащими из воды скалами, между островками, манящими ослепительно белым прибрежным песком и тенью пальмовых деревьев, добраться наконец до Кояо-яй. Здесь находится первая в Таиланде ферма, где выращивают... жемчуг.

В заливе вовсю бурлит жизнь. Постукивают моторы рыбацких сампанов, слышится гул землечерпалок. То тут, то там над гребнями волн выступают остатки затонувших во время второй мировой войны японских и английских судов.

Сам остров вытянут в длину так, что издали его легко можно принять за продолжение материка. Там, где залив ровным полукругом выгрыз часть его суши, укрылась жемчужная ферма. Морская вода в этом месте темная, почти черная из-за обилия планктона. Именно в нем выращивают драгоценный жемчуг — мечту многих женщин.

При входе в залив открывается вид на берег — длинный ряд низких соломенных хижин. Далеко в море вдается узкий мол, продолжением которого служит понтон. По обеим сторонам от понтона расположены цилиндрические резервуары для горючего; над ними —

бамбуковые навесы; такие же навесы виднеются по всему заливу.

Со стороны моря к понтону быстро приближается баркас. С промысла возвращаются тайландские рыбаки, «охотники за ракушками». Около двадцати мужчин, работников фермы — все они в защитных перчатках, — встречают баркас, подтягивают его руками к понтону и закрепляют веревками. Баркас до самого верха набит корзинами из металлической проволоки. В них устричные раковины.

Мужчины разделяются на две группы. Одна разгружает баркас, освобождая его от ценного груза, а другая вытряхивает содержимое корзины прямо на мостки, сортируя раковины по размерам и упаковывая их вновь в соответствующие корзины.

Рыбаки остаются подбирать отброшенные непригодные мелкие ракушки, чтобы приготовить из них утреннюю пищу. Производители жемчуга отправляются в так называемое рабочее помещение. Оно построено на плаву рядом с понтоном и соединено с ним шаткой бамбуковой лестницей. Рабочее помещение представляет собой комнату, тщательно задрапированную бамбуковыми циновками и материей, чтобы ни один любопытствующий глаз не смог проникнуть внутрь. В комнате священнодействуют эксперты из... Японии. Только им знаком секрет производства жемчуга. Японцы хранят его в строгой тайне. Тайцы в рабочее помещение не допускаются.

Что же происходит в этой загадочной «комнате»?

Наиболее крупные и, следовательно, созревшие раковины скоблят, моют и чистят, чтобы если не исключить, то хотя бы свести к минимуму опасность занесения в них чужеродных тел. Затем эксперты вооружаются пинцетами и щипчиками. Следующий этап обработки требует терпения. Нередко уходит полчаса, а то и более, пока раковина поддастся и приоткроется. Осторожно раздвигая ее края, эксперты вставляют в них дере-

вишные клинья. Раковины распахнуты. Теперь остается произвести конечную, наиболее деликатную операцию.

Из коробок извлекаются половинки пластиковых шариков, на плоскую поверхность которых наносится два-три слоя специального клея, после чего они прикрепляются к внутренним стенкам раковины: три-четыре на одну раковину. Иногда их число доходит до семи.

Садки с оснащенными так ракушками снова погружают в морскую воду, а через восемь месяцев на свет вынимают выращенный жемчуг, который после чистки его нашатырным спиртом и упаковки между двумя картонками, в верхней из которых проделаны круглые отверстия, дабы жемчужины высывались наружу, раскладывают по коробкам и отправляют в... Японию.

Там у жемчужин удаляют пластиковую сердцевину, придают краям жемчужин пужную форму, заполняют полые отверстия раздробленной жемчужной крошкой. В конце концов два полужемчуга соединяют, а затем отправляют на продажу — теперь уже обратно в Таиланд.

Управляющий фермой рассказал, что на острове выращивают различные сорта жемчуга, всякого размера и всевозможных форм.

— Мы культивируем не только половинки жемчужин, но и шариковый жемчуг, — говорит он. — Однако это занимает слишком много времени. Не менее трех лет. Представляете?

На ферме, по словам управляющего, занято четырнадцать японцев.

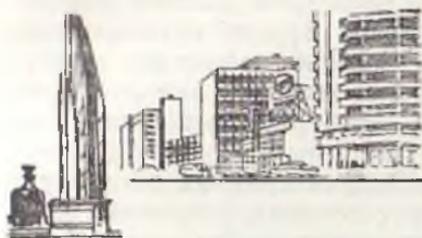
— Почему японцы? — искренне удивляется он моему вопросу.

— Да потому, что предприятие-то наше смешанное, совместное. Две фирмы: тайландская «Марин продактс» и японская — «Мурата перл». Работаем по контракту.

Два, от силы три года заняты на острове, а потом возвращаемся на родину. Нас заменит другая группа японцев, «Мурата перл» — очень богатая компания, известная во всем мире. У нее более двухсот отделений во всех уголках земли — разумеется, где есть возможность производить жемчуг.

«Мурата перл» далеко не одинока. Улицы всех крупных городов Таиланда пестрят сотнями различных рекламных объявлений, предлагающих либо товар, либо услуги действующих на территории страны отделений многочисленных японских концернов, фирм, объединений. Если в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов США сильно потеснили Англию, занимавшую до войны ведущее место по объему иностранных капиталовложений в Сиаме, то в последующий период картина претерпела значительные изменения: в 1965 году далеко вперед вырвалась Япония, заметно опередив Соединенные Штаты и оставив далеко позади себя такие капиталистические государства, как Англия, ФРГ, Франция; а в 1975 году Западная Германия стала самым крупным вкладчиком в экономику Таиланда — ее зарегистрированный капитал составил 21 миллион бат. Япония отошла на второе место, однако ее влияние в стране продолжает оставаться настолько сильным, что местным торговцам и промышленникам приходится мириться с кабальными условиями этого азиатского партнера, который заботится, естественно, только о своих доходах и прибылях.

Нелегко с Кояо-яй добраться обратно до Бангкока. Для начала нужно нанять лодку или баркас у рыбаков и, лавируя между отвесно торчащими из воды скалами, между островками, манящими ослепительно белым прибрежным песком и тенью пальмовых деревьев, добраться до острова Пукет. А уж Пукет соединен со столицей железной дорогой, шоссеиной лентой и местной авиалинией «Таи Эйруэйс»...

Акха

В самом центре Бангкока высоченной башней восходит к небу бетонное здание гостиницы «Дусит тани». Построена она совсем недавно по образцам, пришедшим сюда с Запада. Напротив гостиницы находится один из немногих зеленых островков столицы — Люм-пини-нарк, ворота которого как бы охраняет бронзовая фигура короля Вачиравуда.

«Дусит тани», пожалуй, можно сравнить лишь с «Рамой» — тайландским вариантом американского «Хилтона» — и «Шератоном». Первоклассные номера на любой вкус, рестораны, бары, кинозалы... Один этаж, тот, что под землей, полностью отведен под магазины, в которых есть все необходимое для туристов — почтовые открытки с видами Таиланда, изумрудные ожерелья и бриллиантовые кольца, изделия из тайского шелка, бронзовые и деревянные сувениры. Во внутреннем, застекленном дворе отеля сооружен искусственный водопад, подсвечиваемый в ночное время сотнями разноцветных лампочек. Если по сервису «Дусит тани» не уступает ни одной из бангкокских гостиниц, то своей дороговизной он их, безусловно, превзошел.

У входа в отель обычно прохаживается слоненок, привлекая внимание посетителей и прохожих. Разумеется, симпатичное это животное постоянно собирает вокруг себя огромную толпу любопытных, в основном европейцев. Одни суют ему бананы и булочки. Другие, вызывая

улыбки и смех окружающих, отнюдь не с акробатическим изяществом, под треск кинокамер и щелканье фотоаппаратов своих приятелей даже пытаются изобразить на спине слоненку. Мы с Майклом Кэрролом, управляющим химической лабораторией местного отделения одной из американских корпораций, вышли из автоматически распахивающейся двери «Дусит тани» в тот момент, когда несколько «фарангов» помогали западногерманской фрау лет эдак под шестьдесят спуститься со слоненка на землю.

Кстати говоря, это именно Майкл однажды, отвечая на мой вопрос о белых слонах в Таиланде, сказал: «Не знаю, как насчет белых слонов, но лично я предпочитаю шотландскую «Белую лошадь». Этот сорт виски здорово успокаивает в нашем тревожном климате».

Фрау, совершившая сей неперемный верховой ритуал на слоненке, сияла от удовольствия. По выражению лица ее можно было предположить, что об этой джигитовке она так же мечтала с детства, как я — о лицезрении белых, словно сахар или снег, слонов. Кино- и фотопленки навсегда запечатлели картину, которая, по твердому убеждению фрау, вызовет у ее родственников и знакомых восхищение и зависть.

Таиланд — страна для туристов. Повсюду: на улицах, в лавках, кафе, в буддийских храмах, в старом китайском районе Сампенге — можно было встретить «фарангов», говоривших на всех языках мира. Среди них особенно выделялись рослые парни с неизменной жевательной резинкой во рту — «восстанавливавшие силы» американские летчики-отпускники, которые, «отдохнув», с новой энергией возобновляли смертоносные налеты на страны Индокитая. Местом отдыха они выбрали таиландскую столицу и расположенный в 150 километрах от нее на берегу Снамского залива курорт Паттая.

Несколько лет назад поток туристов в Таиланд хлы-

нул с утроенной силой. Дельцы и предприниматели из кожи лезли вон, пускались на всевозможные ухищрения, чтобы разрекламировать свой товар, сбуть его с наибольшей прибылью. Бангкокские газеты отмечали, что туристский бум наряду с другими причинами был вызван военными действиями, развязанными Пентагоном в Лаосе и Камбодже. И те, кто хотел бы побывать в типичном уголке Юго-Восточной Азии, выбирали именно Таиланд, место, где царил относительное спокойствие, поскольку здесь не рвались ни бомбы, ни снаряды. Здесь было тихо, здесь туристы могли насладиться экзотикой.

Слоненка ни на минуту не оставляли в покое. «Наездники» сменялись один за другим.

— Майкл! Взгляни! — Я указал чуть в сторону, туда, где в тени громадной гостиничной арки стояла пара — мужчина и женщина.

Меня поразили их внешний вид, резко контрастирующий с окружающей обстановкой. Прическа женщины походила на перевернутую продолговатую цветочную вазу, украшенную металлическими кружочками. Оказалось, что это монеты: индийские рупии и таиландские баты, бирманские джа и южновьетнамские пиастры, английские пенсы и американские центы. Все они вперемишку с бусинками жемчуга непостижимым образом держались на голове. Грудь женщины прикрывал большой рельефный медный диск, а шея была как бы закована в своеобразное ожерелье из цельного куска отливавшего серебром металла. Закрепленные в прическе тонкие бамбуковые палочки гроздьями свисали ниже плеч. Облегающая блузка, мини-юбка и гетры, расшитые мельчайшими кусками материи всех цветов, подчеркивали стройность ее фигуры. Спутник женщины ничем бы особо не выделялся, если бы не его куртка и мешковатые брюки, сплошь увешанные серебряными монетами. Во рту у него курилась длинная трубка

причудливой формы. Острижен он был под машинку, и только на затылке можно было различить едва приметную косичку, которую, как выяснилось, носят все мужчины племени, к которому принадлежала эта пара. Такие косички якобы оберегают человека от всех невзгод и болезней.

— Мы акха, — ответил на наш вопрос мужчина. — Меня зовут Риа́м. А это, — он повернулся к спутнице, — моя сестра.

В пограничных районах Таиланда проживает более тридцати горных племен. В основном они сосредоточены на севере страны. Одни постоянно передвигаются с места на место, другие, напротив, ведут оседлый образ жизни. Принадлежащие к племени лава слывят благородными, яо считаются пронциательными и хитрыми, лаху — великодушными, мео известны тем, что производят опиум, карены — искусные погонщики слонов... Для каждого племени характерны свои национальные костюмы.

Риа́м рассказал, что их племя насчитывает около двенадцати тысяч человек. Они расселены более чем в семидесяти деревнях, разбросанных в горах к западу от автомагистрали Чиенгмай — Маесай.

— Сами мы из селения Саенчай. — Риа́м говорил на смешанном тайско-лаосском языке. — Это центр племени, как бы его столица, поскольку в нашей деревне живет глава племени. Селение названо его именем: Саенчай.

В Бангкоке Риа́м и его сестра бывали и раньше. Участвовали в ярмарках и других народных празднествах. В этом году отель «Рама» проводил фестиваль, на котором должны были демонстрироваться национальные одежды различных племен, в том числе и племени акха.

— Никак не привыкну к городской жизни. Шум, толпы народа. Все куда-то спешат, торонятся. Того и

глади попадешь под машину. — Риам посмотрел на дорогу, по которой вереницей неслись автомобили. — Да и деньги здесь нужны немалые.

Акха не любят путешествовать. Они домоседы. В близлежащие города Маесай и Маечан они ездят только тогда, когда кончаются запасы соли, иглол, керосина... Акха привыкли к спокойной, размеренной, простой сельской жизни.

— Конечно, мы поддерживаем связи с другими племенами. — Риам задумался, подыскивая нужное слово. — Торгуем с яо. Рис, бобы, скот...

— А газеты, журналы вы читаете?

— Нет, — последовал лаконичный ответ.

— Значит, вы не в курсе дел, происходящих в стране, в мире?

— Почему же не в курсе? В курсе. Полицейские из пограничной службы подарили нам несколько радиоприемников, так что мы следим за новостями, — объяснил Риам. — Регулярно сообщаем прослушиваем передачи бангкокского радио.

— Про Советский Союз знаете?

— Да, слышали. Там сплошь красные. Коммунисты. Как к ним относимся? Отрицательно, как же еще. Правда, акха не представляют, что такое коммунизм, кто такие коммунисты, но радио всегда говорит, что коммунизм — это большое зло. Это очень плохо.

— Риам, а ведь я как раз из Советского Союза.

— Да-а? Странно! — Он с подозрением оглядел меня с ног до головы. — Очень странно...

Мне так и не удалось выяснить, что же показалось Риаму странным. Может, отсутствие у меня книжки и кастета? Во всяком случае, сам Риам предпочел эту тему более не затрагивать.

Зато он охотно рассказывал о жизни акха.

— Работают у нас главным образом женщины. Они выращивают рис и красный перец — чилли, собирают

овощи, растущие в джунглях, фрукты. В сухой сезон женщины вышивают, мастерят корзины из ротанга, делают одежды. Мужчины? Они курят вот такие трубки. — Рнам вынул изо рта свою. — Иногда, если возникает желание, ходят на охоту или ловят рыбу. Какая у нас самая любимая еда? Акха любят все. Но самым лакомым блюдом считается мелко нарезанное собачье мясо, пережаренное с рисом. Специально для этого мы держим собак.

Рнам еще долго говорил о традициях и обычаях акха, о всяких ритуалах, связанных с рождением ребенка, с праздниками, со свадьбой.

Акха почти не празднуют свадеб. Мужчину, по крайней мере, этот обряд ни к чему не обязывает. Он легко может разойтись и взять другую девушку в жены, не вызвав порицаний со стороны соплеменников. Достаточно только обвенчаться, для чего он и она, на которую пал его выбор, идут в джунгли, где обмениваются серебряными браслетами. Однако свадьбы хоть и редко, но все же случаются. Выливаются они в грандиозные пиршества и связаны с определенными ритуалами. Вождь племени препровождает невесту во внутренний двор дома, в котором живет будущий муж. Там она должна надеть белую юбку, а вождь бьет ногой по земле, прогоняя тем самым «шатающихся злых духов». Перед тем как жених и невеста войдут в свой дом, им на ноги льют воду. Этот обычай акха называют очищением. Затем молодоженов сажают на две маленькие скамейки. Они должны несколько раз передать друг другу куриное яйцо — символ любви и плодородия. Пока они так играют, вождь племени режет свинью и разделяет ее на части. Сам праздник начинается, когда жених и невеста обнесут всех приглашенных (как правило, это вся деревня) алкогольными напитками местного, так сказать, производства. Первый стакан по традиции осушает вождь племени.

Молодожены стараются как можно быстрее построить себе отдельное жилище, поскольку в родительском доме им запрещается спать вместе.

Акха очень верят в добрых и злых духов. Все хорошее и все плохое от них. Для изгнания злых духов акха строят специальные ворота перед деревней. Эти ворота являются как бы символическим барьером, отделяющим обитателей деревни от всего того, что находится по другую сторону. Каждый год акха строят ворота заново. Эта церемония под названием Ло Ко Мёу длится три дня, в течение которых никто не может выйти за пределы деревни или войти в нее. Сразу за воротами акха ставят две деревянные статуи. Они охраняют ворота. У акха есть песня, в которой сказано, что же требуется от этих деревянных статуй. Песней и завершается церемония Ло Ко Мёу.

Когда женщина с двойней пытается войти в деревню,
Не пускайте ее!
Когда у буйвола двойня,
Не пускайте его!
Когда тигр подходит к деревне,
Не пускайте его!
Когда орел подлетает,
Не дайте ему сесть на ворота!
Когда приближается Зло,
Гоните его прочь!..
Когда приближается Добро,
Разрешите ему войти!

— Рнам, а почему женщину с двойней нельзя пускать в деревню?

— О! Есть у нас один обычай, который я бы упразднил, — жестко произнес Рнам. — Плохой обычай. Бессмысленный. Но на это у меня нет власти. Будь я главой племени, тогда другое дело...

— В чем же он заключается?

— Рождение двойни у акха считается дурным предзнаменованием. Детей в этих случаях умерщвляют, а

родителей изгоняют из селения на целый год. Дом их сжигают, домашний скот убивают. Но, к счастью, — закончил Риап, — рождение двойняшек у нас крайне редкое событие. — Он взглянул на часы. — Пора в «Раму». Скоро начнется показ мод.

Он и его сестра сели в такси, которое тут же исчезло в стремительной лавине машин. А вокруг слоненка продолжались туристские игры. К сожалению, он не был моим искомым белым слоненком. Он был просто слоненком, с помощью которого хозяин зарабатывал деньги.

«Pacta
sunt
servanda»

Яркими молниями вспыхивают блицы, юпитеры направлены на продолговатый стол, за которым два человека, склонившись над раскрытыми папками, выводят свои подписи. На заднем плане видны флаги — тайландский и американский. Присутствующие затаили дыхание. Все замерли. Дипломаты в черных смокингах, вышше военные чины в белой парадной форме... Обстановка свидетельствует о том, что на экране свершается действие «исторического масштаба».

Это кадры кинохроники, засняты 6 марта 1962 года, в тот день, когда тогдашние министр иностранных дел Таиланда Танат Коман и государственный секретарь США Дин Раск от имени своих правительств скрепили росчерками золотых перьев совместное коммюнике, известившее о новом этапе военного подчинения

Таиланда Пентагону. Теперь бангкокская верхушка могла ни о чем не беспокоиться и спать более или менее спокойно. Соединенные Штаты пообещали явиться Таиланду на помощь «в случае, если он станет жертвой агрессии».

От политики «пряника» Вашингтон перешел к политике «кнута», от посулов — к активным действиям. На территорию древнего Сиама, страны, которой удавалось веками сохранять статус независимого государства, ступили прочные башмаки первых американских подразделений. Грохот военных барабанов особенно усилился после того, как три года спустя командующий силами США в Таиланде Ричард Стилуэлл и премьер-министр Таиланда Таном Киттикачон выработали секретный план из двух основных пунктов: Таиланд посылает свои войска в Южный Вьетнам, а также предоставляет Пентагону свободу действий в строительстве на своей территории военных баз и их использовании для бомбардировок ДРВ и Лаоса.

Начальный же период превращения страны в важнейший оплот агрессивных замыслов США в Юго-Восточной Азии относится к послевоенным годам, хотя активно готовить почву для этого Пентагон принялся еще раньше.

В январе 1942 года правительство Пибун Сонгкрама, заключив союз с Японией, объявляет войну Соединенным Штатам и Англии. Вскоре японцы уже хозяйничают в Бангкоке и других крупных городах страны. Они ведут себя совсем не как союзники, а как настоящие завоеватели. Руками тайландцев строятся военно-стратегические объекты, необходимые Японии. Японцы захватили многие иностранные банки и торговые фирмы, конторы и рудники. В Таиланде развернулось анти-японское движение. Вот тут-то и проявилась дьявольская хитрость американской дипломатии. Играя на патристических чувствах тайландцев, президент США

заявляет, что Америка не считает Таиланд враждебной страной, а посему не признает объявления войны.

Здесь необходимо небольшое отступление.

Дело в том, что в 1941 году, когда японцы оккупировали Таиланд, будущий премьер-министр Сени Прамот был послом в США. Сени Прамот отмежевался от правительства, стоявшего у власти в Бангкоке, и, находясь далеко от родины, возглавил антияпонское подпольное движение «Свободные тай». Именно Сени Прамот отказался передать государственному департаменту в Вашингтоне заявление тайландского правительства об объявлении войны Соединенным Штатам.

Вот это обстоятельство послужило для США поводом не только не признать в лице Таиланда противника, но и выставить страну по окончании войны жертвой японской агрессии.

Еще один дипломатический ход был предпринят Соединенными Штатами в то время, когда Англия готовила Таиланду 21 требование, принятие которых поставило бы страну в положение колонии. Переговоры между Англией и Таиландом вначале велись на Цейлоне, в городе Канди, а затем, после вмешательства Белого дома, были продолжены в Вашингтоне, причем участие в них принял и представитель США, в результате чего Лондону пришлось значительно умерить свои притязания.

Нельзя, конечно, сказать, что англичане остались «у разбитого корыта». Нет. Они сумели выколотить более чем щедрое возмещение «своих убытков». Согласно мирному договору, окончательное подписание которого состоялось в январе 1946 года в Сингапуре, английское «корыто» выглядело так: Таиланд возвращал аннексированные во время войны территории Малайи и Бирмы, обязывался выплатить Великобритании более

5 миллионов фунтов стерлингов в качестве компенсации за нанесенный английской собственности ущерб, бесплатно передать Англии полтора миллиона тонн риса, содержать за свой счет британские оккупационные войска до тех пор, пока все эти репарации не будут выплачены. Но как бы там ни было, замыслы Лондона установить экономический и политический контроль в Таиланде сорвались. Таиландцы, вполне естественно, были рады, что у них нашелся такой всемогущий покровитель, как Соединенные Штаты Америки. Ну что ж, дипломатия свое дело сделала.

Пибун Сонгкрам, совершивший в 1948 году государственный переворот, в результате которого он вновь возглавил правительство, а власть перешла в руки армейской верхушки, сразу же пригласил в Таиланд американскую военную делегацию. Спустя некоторое время родился милитаристский альянс: Вашингтон — Бангкок. И полилась в страну помощь: деньги, оружие, техника. Хотя и называлась эта помощь безвозмездной, а «отрабатывать» ее Таиланду все-таки пришлось.

А к концу 1968 года в стране насчитывалось уже более шестидесяти американских военных объектов. Военно-воздушные и ракетные, радарные и морские... В их число не вошли десятки спецлагерей, таких, как в Лопбури, где американские советники обучали тайландцев ведению боевых действий в джунглях по образцу и подобию «зеленых беретов». К военным сооружениям формально не относилась и опутавшая всю страну система «стратегических шоссе и дорог», созданная Пентагоном, в частности шоссе Бангкок — Нонгкай, соединившее столицу с лаосской границей. Почти на всем протяжении, за исключением отдельных участков, дорогу эту можно использовать и в качестве взлетно-посадочной полосы для самолетов.

В Таиланд прибывали и прибывали свежие партии

летчиков в форме американских военно-воздушных сил. Расплачиваясь за «безвозмездную» помощь, Таиланд в полной мере становился форпостом американской воздушной агрессии против миролюбивых народов Индокитая.

По мере вывода «джи ай» из Южного Вьетнама, чего требовала вся мировая прогрессивная общественность, бомбардировки Лаоса, Камбоджи и Вьетнама в планах американских стратегов приобретали первоочередное значение. Вот тут-то и раскрылось, какая роль была предназначена военно-воздушным базам США, ловчей сетью покрывшим всю территорию Таиланда.

Крупных баз насчитывалось семь. Они были окружены колючей проволокой и вышками с прожекторами. Вокруг них круглосуточно патрулировали солдаты на «джипах». Высокочувствительные электронные устройства и немецкие овчарки призваны были охранять базы. У входа — охрана в таиландской форме. Флаги над базами тоже таиландские. Этим подчеркивалась их принадлежность. В стране, видите ли, не было ни одной иностранной базы; все они принадлежали таиландским вооруженным силам. Просто Пентагон их построил, арендовал и использовал в своих целях.

Как известно, уже в 1966 году восемь эскадрилий с баз в Такли, Корате, Уодне и Убоне совершали до восьмидесяти процентов бомбардировок Демократической Республики Вьетнам. В ходе операций «Стальной тигр» и «Крутящаяся бочка» американские самолеты сбросили на Лаос 800 тысяч тонн взрывчатки. Патриотический фронт Лаоса в одном из своих заявлений подчеркивал, что общий тоннаж бомб, сброшенных американцами на Лаос, превысил тоннаж, сброшенный Германией во время второй мировой войны. Америкаосайгонское вторжение в Лаос под кодовым названием «Ламшон-719» потребовало от США бомб в несколь-

ко раз больше, чем две вышеупомянутые операции. В этих пиратских рейдах принимали участие и тайландские летчики. Заокеанский партнер доверил им пилотирование самолетов Т-28.

Самая крупная база США в Таиланде — Утапао. В период налетов на города и села ДРВ отсюда каждые шесть часов стартовал гигантский Б-52, каждый вылет которого обходился более чем в 40 тысяч долларов. Как-то генерал Уэстморленд, бывший командующий американскими экспедиционными силами в Южном Вьетнаме, сравнил разрушительную мощь одного Б-52 с четырьмя пехотными дивизиями. С Утапао, что расположена на берегу Сиамского залива, Б-52 наносили удары не только по Вьетнаму, но и по всем целям в Индокитае. Полеты с этой базы стоили Пентагону намного дешевле, чем, например, с более далеких Гуама или Окнавы.

Базы Удон и Након-Паном, расположенные ближе ко многим целям в Лаосе, чем сама столица Вьентьян, были центрами поддержки тайной войны американцев против патриотических сил Лаоса. Удон считался также штабом «скоростников» — реактивных истребителей-бомбардировщиков, совершавших ежемесячно двенадцать и более тысяч самолето-вылетов для бомбардировок Лаоса.

Один из немногих западных журналистов, которому удалось побывать на этой базе, вот так описывал отдых «джи ай» в Удоне.

«Вскоре после захода солнца вокруг освещенного неоновыми огнями плавательного бассейна в форме сердца, расположенного в саду одной из многих новых гостиниц, Восток начинает свои ночные ухаживания за Западом. В то время как офицеры и рядовые американских ВВС празднично шатаются, попивая кока-колу и пиво, тайландские проститутки прохаживаются вокруг

бассейна. Шумная музыка дансинга заглушает жужжание насекомых тропической ночи. В центре фонтана — белая гипсовая фигура обнаженной женщины, на которую нацелены прожекторы. К 9 часам вечера хождение вокруг бассейна прекращается. Парочки или группы отправляются по своим делам... А в небе — военные самолеты США, улетающие на очередное ночное задание, чтобы за считанные минуты израсходовать десятки тысяч патронов и снарядов против целей, обнаруживаемых с помощью инфракрасных лучей».

По несколько раз в год столица Таиланда становилась свидетельницей печального зрелища. Правительство, однако, пыталось обставить его как можно более торжественно. Из Южного Вьетнама на родину возвращались тайландские солдаты, «добровольцы», как их называли в прессе, из помянутой выше дивизии «Черные леопарды», участвовавшие в карательных операциях на стороне сайгонского режима Тхиену. Правда, они возвращались не сами. Их привозили. Доставляли в Бангкок в... цинковых гробах. На протяжении всего пути от аэродрома до площади Чулалонгкорна, где обычно происходили такого рода траурные митинги, выстраивался почетный караул. Играла скорбная музыка, плакали близкие. Сам премьер или его заместители раздавали ордена и медали родственникам погибших. Звучали призывы к патриотическим чувствам. Здесь же производилась запись новых «добровольцев» из числа солдат регулярной армии. Им сулили тройную плату во Вьетнаме против той, которую они получали на военной службе в Таиланде. Готовилась новая порция пушечного мяса. Американская программа «азиатизации» войны, или уничтожения азиатов самими азиатами, выполнялась довольно «успешно». За двенадцать тысяч солдат, которых Таиланд направил в Южный Вьетнам, США заплатили Бангкоку тридцать миллионов долларов.

В разгар индокитайской войны Таиланд был прочно опутан сетью военных баз. Пентагон превратил страну в наиболее ярый оплот антикоммунизма в Юго-Восточной Азии. Во что же это обошлось самим Соединенным Штатам, американским налогоплательщикам? Вот цифры, взятые из французского журнала «Монд дипломатик» за 1971 год. За последние два десятилетия экономическая помощь Вашингтона Бангкоку достигла суммы в 600 миллионов долларов. Военная — почти 750 миллионов. Военные расходы США в Таиланде — 855 миллионов, строительство других военных объектов — более 700 миллионов долларов. Средства громадные...

Смерть и неисчислимые беды нес американский империализм свободолюбивым народам Индокитая с земли древнего Сиам. Вот, оказывается, чем обернулась «безвозмездная» помощь. Военные договоры и соглашения с США вынуждали Таиланд подчиняться, выполнять те условия и требования, которые ставил американский империализм. А как известно, «*раста sunt servanda*» — «договоры должны соблюдаться». Таиланд вынужден был оплачивать представленные ему векселя.

Четырнадцать лет минуло с того дня, когда было подписано тайландо-американское коммюнике. Оно печальной маской заслоняло миллионам жителей этой свободолюбивой страны свет мира и прогресса, свободы и справедливости.

И вот кадры кинохроники, заснятые в начале 1976 года: происходит подписание договора, по которому территорию Таиланда в течение четырех месяцев должны покинуть последние подразделения «боевых сил» Пентагона. Неужели американская военщина добровольно решила отказаться от своего «непотопляемого авианосца» — так стратеги из США долгие годы называли Таиланд? Нет, конечно, о доброй воле говорить не приходилось.

Гражданское правительство, взявшее курс на широкие политические, экономические и социальные преобразования, сразу же после прихода к власти в конце 1973 года решительно заявило о твердом намерении ликвидировать военное присутствие США. Таиланд настоял, чтобы стороны заключили соглашение о поэтапном выводе американских войск. А как упомянуто выше — «*pac̄ta sunt servanda*». На этот раз очередь за Пентагоном — соблюдать договор.

В летопись страны были вписаны новые страницы, страницы, рассказывающие о победе прогрессивной общественности. Это была победа разума и справедливости. Лицо древнего Снама засветилось доброй улыбкой.

Однако на пути к социальному прогрессу, к полной независимости народ Таиланда встречает немало трудностей. И в первую очередь они связаны с сопротивлением местной реакции, поддерживаемой и подстрекаемой международным империализмом. Если гражданские правительства Сани Таммасака, Кыкрита Прамота и его старшего брата Сени Прамота под давлением демократической общественности отошли от односторонней ориентации Таиланда на США, настояли на закрытии американских военных баз и выводе всех солдат и офицеров Пентагона из страны, то пришедшие в результате государственного переворота 6 октября 1976 года к власти генералы, назначившие премьером юриста Танина Краивичьена, начали новое сближение с Соединенными Штатами. Правительство намерено просить у США помощь на приобретение вооружения, на покупку самолетов и патрульных катеров для борьбы с «коммунистическим проникновением».

Блеск и нищета «города ангелов»

Бангкок — столица «страны улыбок». Почему Таиланд называют «страной улыбок»? Путеводители на этот вопрос отвечают просто: «Народ Таиланда счастлив и оттого улыбается».

Туристы иногда называют Бангкок «младшим братом Нью-Йорка и Сиднея», а чаще всего «крошечным дитятей Пекина и Парижа».

Рекламы придают Бангкоку поразительную пестроту. Покупателям предлагается буквально все. Фирма «Тоёта» расхваливает свои автомобили, «Вестингауз» — холодильники и кондиционеры, «Сони» рекламирует радиоприемники и телевизоры... Предприниматели бойко двигают торговлю. Четырём миллионам жителей Бангкока дежно и ночью назойливо лезут в глаза рекламные щиты и плакаты. Не хочешь, а купишь. Не нужно, а приобретешь. С той только разницей, что одни могут без всякого ущерба в любой момент раскошелиться, скажем, на «понтяк», в то время как другие, которых несравнимо больше, могут позволить себе оторвать от домашнего бюджета лишь несколько бат, чтобы купить в праздничные дни своему ребенку бумажного змея или стаканчик мороженого.

С архитектурной точки зрения таиландская столица разнолика и космополитична. Новые кварталы застроены с помощью иностранных фирм: японских, американских, западногерманских... Каждая пыталась дать

городу что-то свое, не считаясь с тем, чтобы сохранить Бангкоку его характерное лицо, по которому «город ангелов» можно без труда отличить от сотен других городов.

Пожалуй, только храмы, число которых постоянно растет, возводятся в старинном традиционном национальном стиле. Это либо «пра праи» с закругленной вершиной, либо «пра чеди» с колоколообразным покрытием и шпилем. Около четырехсот бангкокских храмов скованы в тисках железобетонного модерна. И конечно, каждый храм по-своему примечателен.

Храм Пра Кео, к примеру, знаменит помещенной в одном из его залов на семиметровом пьедестале статуей Будды, выполненной из чистого изумруда, которую тайцам в древние времена подарил якобы индийский царь Ашока. С тех пор этот Будда считается хранителем благополучия и процветания страны. Он украшен серебром и золотом. Согласно летописи статуя Изумрудного Будды была создана богами для правителя Цейлона, откуда ее вывезли в Наконситамарат, город на юге Таиланда, затем она очутилась на севере — в Чианграе, где находилась до 1436 года. Статую перевозили в Лампанг, в Чиангмай и только в 1785 году при короле Раме Первом ее поместили в Пра Кео.

Пра Кео известен еще и тем, что это один из двух храмов Таиланда, где в период буддийского поста (август — октябрь) можно услышать популярные народные сказки. Как правило, это происходит в перерывах между проповедями, где-нибудь в укромном уголке храма. Посетители внимательно следят за чтецом, который, легко чередуя речитатив с песней, песню со стихом и так далее, рассказывает древние легенды, мифы, сказки.

Почти в любой стране существуют ритуалы, которые туристы, как правило, строго соблюдают. Большинство их связано с бросанием денег в озера, в реки или просто в фонтаны. Избавился подобным образом от одной-

двух монет, поглядел, как они, блеснув в воде, опустились на дно, и можешь быть абсолютно уверенным в том, что когда-нибудь вновь побываешь на этом месте. В Таиланде денег в воду не швыряют. Желающие еще раз приехать в Бангкок могут купить... черепаху, выцарапать на панцире свои инициалы или полностью имена и пустить животное в небольшой водоем на территории Мраморного храма, расположенного неподалеку от здания парламента.

Совсем недавно, каких-нибудь полтора-два десятка лет назад, Бангкок не без основания считали Венецией Востока. Когда говорят о Венеции, в мыслях каждого рисуется чудесный город на севере Италии, город на воде, город без мостовых и без тротуаров. Повсюду вместо улиц каналы, плавно несущие свои воды во всех направлениях. В Венеции вас не беспокоят автомобильные сирены и треск мотоциклов. Лишь лодки и гондолы бесшумно скользят по гладкой поверхности каналов.

Надо сразу оговориться, ничего подобного вы в Бангкоке не увидите. Люди здесь ходят по самым обыкновенным асфальтовым тротуарам, а машины из-за плотного движения медленно ползут по не менее обыкновенным мостовым. Между автомобилями, выписывая невероятные виражи, стараясь во что бы то ни стало всех обогнать, снуют мотоциклисты и «самлошники» — трехколесные моторикши, наполняя город невероятным шумом.

Ныне в столице Таиланда каналов-клонгов почти не осталось. Почти все они, из-за былого обилия которых Бангкок сравнивали с Венецией, исчезли и превратились в широкие улицы и зеленые бульвары. Клонги засыпали, чтобы избавиться от чудовищной сырости, разъедавшей город, серой плесенью покрывавшей здания. Их ликвидировали, чтобы покончить с нездоровым запахом отходов, которые всюду сбрасывали прямо в

каналы. В «городе ангелов» сохранилась лишь небольшая сеть клонгов, по берегам которых ютятся жалкие лачуги бедняков и в грязных, мутных водах которых покачиваются барки — постоянные жилища бедняков. Здесь, на этих барках, проходит их жизнь. Здесь они рождаются и умирают.

Трущобных районов в столице более двухсот. Один из таких районов — Клонг Той.

Центральный железнодорожный вокзал Бангкока соединен с портом широким проспектом, названным в честь короля Рамы Четвертого. Примерно на полпути стоит выделяющийся своей баснословной роскошью отель «Дусит тани», который, по словам многих иностранных туристов, входит в десятку лучших гостиниц мира. Расстояние от вокзала до порта не превышает шести километров.

На одном конце проспекта расположен район красивых пагод, шикарных особняков, банков, универмагов, современных респектабельных зданий. Здесь чисто, здесь спокойно и тихо. Живут тут те, кто привык разъезжать на «мерседесах» и «роллс-ройсах», завсегдатаи клубов, ресторанов, привыкшие проводить уик-энд на песчаных пляжах Хуа Хина и Паттай. Другим концом проспект Рамы Четвертого упирается в дистрикт, то есть район, Клонг Той. На смену каменным гигантам здесь пришли кое-как сколоченные из ящиков и ржавого железа подобия домов. Тишина уступила место неистовым крикам голых ребятишек, копающихся в пыли и грязи. В Клонг Тое не увидишь реклам и неоновых вывесок, «мерседесов» и «роллс-ройсов». На лицах здешних обитателей написана горькая печаль, скорбь и безвыходность. Клонг Той — это бангкокские трущобы, где в нищете и беспорядке обитают двадцать пять тысяч обездоленных тайцев.

В Клонг Тое нашли себе пристанище те, кто в разное время вынужден был мигрировать в город из де-

ревень. Задолжав помещикам за арендуемую землю, оставшись без средств и продуктов, они покинули родные места и отправились в Бангкок в поисках работы.

Разгружая пароходы в порту, управляя подъемными кранами и грузовиками, строя дороги, эти люди несут на своих плечах огромную часть того бремени, без которого немисливо существование ни одного крупного портового города. За свой труд они получают мизерную плату. Сводить концы с концами жители трущоб ухитряются лишь потому, что развалюхи, те лачуги, в которых проходит их жизнь, обходятся довольно дешево. Ведь их «дома» созданы своими руками из «строительного материала», которым до отказа набита портовая свалка.

Не так давно Клонг Той посетила группа экспертов из управления общественного благосостояния при Таммасатском университете. То, что они там увидели, превзошло их ожидания. Бедность, антисанитария, грязь вызвали возмущение членов комиссии. Портовыми властям было предложено принять меры. Какие? Об этом ни слова.

И власти, расценив предложение комиссии по-своему, приняли «меры радикальные». Под предлогом того, что морские ворота Таиланда надо расширять, администрация порта к настоящему времени выселила из Клонг Тоя около пяти тысяч человек, начав на месте их поселения строительство дополнительных верфей.

Получился тришкин кафтан, поскольку жители одних трущоб перебираются в другие районы, где вырастают новые и новые трущобы «города ангелов».

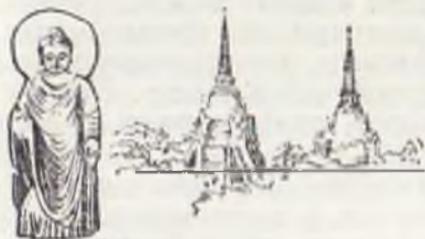
Мы едем по Силому, широкой красивой улице, бывшей когда-то клонгом, то есть каналом. По обеим сторонам возвышаются в основном новые здания. Все они разные, каждое привлекает своей оригинальностью. Строгий комплекс фирмы «Вестингауз» сменяется похожим на пчелиные соты офисом англо-таиландской кор-

порации; многоэтажный, самый крупный в столице универмаг «Сентрал департамент стор» — отелем «Виктори»... Сохранились на Силоме и старые постройки: харчевни, мелкие магазины, лавчонки, ночные бары, кафе и ресторанчики. От Силома отходят две улицы, представляющие немалый интерес. Одна из них частная, названа Патпонгом — в честь ее владельца. Улица недлинная, всего каких-нибудь сто пятьдесят метров. Почти все здания на ней сданы в аренду иностранным предпринимателям. Патпонг выделяется своей роскошью и обилием неона. По вечерам здесь открываются двери стилизованных под старину баров, где «франги» проводят время за картами и кружкой пива, играют в кости и смотрят фильмы, проецируемые прямо на стены, пьют виски и шуауют «бар герлс». Патпонг щедр и ни на что не скупится, чтобы завлечь в свои рестораны и кафе посетителей. Кухня на любой вкус: французская и немецкая, итальянская и японская, швейцарская и китайская, индийская и вьетнамская, корейская и мексиканская... Утверждают, что в Бангкоке ресторанов и кафе больше, чем в Нью-Йорке. С наступлением сумерек у дверей всех этих увеселительных заведений, прямо на мостовой Патпонга раскладывают свой товар местные художники. Какое же тут обилие лорнографических картин! Видно, есть спрос. Но нередко встречаются и замечательные, просто удивительные, выполненные мастерски и с большим вкусом акварели.

Другая улица — Нью-роуд, или Чароен крунг роуд. Знаменитая некогда «дорога слонов», которая в свое время соединяла столицу с провинциями. По Чароен крунг роуд шли из Бангкока караваны слонов с товарами. Сейчас Нью-роуд представляет собой довольно грязную улицу, сплошь усеянную мелкими лавчонками. Лавчонки двухэтажные. Первый этаж отводится, как правило, под магазин, а на втором ютится семья хо-

линия. Тут и там попадаются портновские мастерские, швейски «манн ченджер» (меняльные лавки), ювелирные магазины. Нью-роуд до сих пор остается бойким в торговом отношении районом столицы.

И так по всему Бангкоку: современные проспекты сменяются захолустными кварталами, районы фешенебельных особняков трущобами, respectable здания жалкими лачугами. Вот каков он, «город ангелов»! «Младший брат Нью-Йорка и Сиднея», «крошечное дитя Пекина и Парижа»!

В столицу
33 королей

Наш выдавший виды «Москвич», повизгивая колесами на крутых поворотах, резво катил по живописной дороге, ведущей от Бангкока на север. Позади скрылись последние строения города, исчезла духота, густо пропитанная парами бензина и всевозможными запахами тайской пищи, которую в Бангкоке нередко приготавливают прямо на улице. Оборвались крики торговцев, постепенно в ушах заглох присущий каждому азиатскому городу шум. Не стало мальчишек — продавцов газет, обступавших гурьбой машину, стояло только притормозить у светофора.

Мимо проплывали деревеньки, точнее, отдельно расположенные вдоль клонгов крестьянские соломенные хижины на деревянных сваях, оберегающих жилища от змей и ядовитых тварей, предохраняющих дома в случае наводнений. То тут, то там в лучах яркого солнца

сверкнет вдруг яркая гладь прудов и водоемов, покрытых пушистыми коврами бледно-розовых лотосов. Мелькали расставленные по обочинам красочные щиты, сливаясь в сплошную многоцветную полосу. Покачивались пальмы — банановые, кокосовые, арековые, ротанговые, какие-то неведомые нам тропические растения. В неглубоких рыжих каналах неподвижно подремывали буйволы, а коричневые от солнца голые детишки резвились у них на спинах.

Выехали мы ранним утром, в тот час, когда двести пятьдесят тысяч монахов из более чем двадцати четырех тысяч тайландских монастырей отправляются в свой ежедневный поход за пищей. В тогах оранжевого цвета, бритоголовые — совсем еще мальчики, взрослые и старики — они с матерчатыми сумками на плечах идут в различных направлениях, по заранее намеченным маршрутам добывать себе пропитание на день. В этот же час из домов выходят люди, кто с пригоршней риса, кто с куском курицы. Дать пищу монаху считается благородным делом.

Буддийская монашеская община — сангха — насчитывает в Таиланде двести пятьдесят тысяч человек. Монахи делятся на постоянных и временных. Минимальный срок пребывания в монастыре с годами постепенно сокращался и достиг уже семи дней. Ни один мужчина не считается «полноценным», если не побывал в монахах. Он, например, не может вступить в брак. Все монахи обязаны соблюдать предписания Винаяпитаки («корзины устава»), или 253 правила поведения, из которых главными являются следующие: не убивать, не красть, не лгать, не употреблять спиртного, не допрагиваться до денег, золотых и серебряных вещей, не сближаться с женщинами, не слушать музыку, не спать на кровати, возвышающейся над полом более чем на 32 дюйма, питаться только подаянием.

Распорядок дня во всех тайландских монастырях

более или менее одинаков. Встают монахи очень рано, с восходом солнца, под дробь барабанов или под звон колокола, моют кельи, прибирают монастырские дворы, чистят зубы и умываются, фильтруют питьевую воду через марлю. Затем они облачаются в свои желто-оранжевые одежды: сабонг — нечто вроде юбки, чивару — нижнюю тогу, сангхати — верхнюю тогу, произносят молитвы и отправляются за подаванием. По возвращении в свои кельи монахи сбрасывают верхние одежды и первый раз принимают пищу. Перед полуднем они еще раз едят, после чего до следующего утра им разрешается только пить воду. Остальное время монахи проводят за пением сутр, изучают тексты из Типитаки, историю жизни Будды, монастырский устав, канон, согласно которому спасение можно найти лишь в преодолении страданий, выходе из круговорота бытия, достижении абсолютного конца, нирваны. Возможность же спасения лежит в затухании и прекращении всех желаний и страстей.

Такой суровый распорядок дня вовсе не изолирует монахов от общественной жизни. Буддизм в Таиланде представляет собой значительную политическую силу. Он религия государственная, а возглавляет буддийскую церковь страны сам король.

Проезжая маленькую деревушку, мы заметили служителя культа, который нес не традиционную котомку, а... судки. Да, судки. Зачем же смешивать в сумке разную еду, когда изобретена такая удобная посуда. Находчивый монах вначале рассматривал, что ему подадут верующие, а уж затем приоткрывал крышку нужной кастрюльки.

Едем мы в Аютию, город, расположенный в восьмидесяти километрах от нынешней столицы Таиланда. Аютию нередко называют «Римом Юго-Восточной Азии».

Можно по этому поводу спорить, а можно оставить

и так. Известно, однако, что в период, когда Аюттия была столицей Сиам, именно здесь зародилось и достигло наивысшего расцвета тайское национальное искусство, появились первые мастера чеканки и резьбы по дереву. Именно в Аюттии создавались и хранились во дворцах рукописи поэтов и драматургов, написанные на коре деревьев и на пальмовых листьях. Здесь некогда были собраны воедино легенды и мифы древнего Сиам. Город в свое время был застроен богатейшими дворцами, величественными храмами, прекрасными пагодами.

Но не только этим славилась времена Аюттии. В тот период страна вела непрерывные войны со своими соседями. С кхмерами — на востоке и с бирманцами — на западе. Аюттия была также гнездом бескончаемых заговоров и коварных убийств, местом злостных интриг и фантастического разврата. Один тайландский историк сказал: «Ни в какие другие времена Сиам не достигал такого могущества и не падал так низко, как в период Аюттии».

В отличие от Рима, возникновение которого связано с довольно неустойчивой легендой о детях Марса и Реп Сельвии — Ромуле и Реме, имя основателя Аюттии известно доподлинно. Город был построен в 1350 году правителем княжества Утонг на месте слияния рек Менам и Пасак, там, где проходили в то время важные торговые пути. Аюттия стала столицей нового государства Сиам, а тот, кто ее построил, объявил себя королем Рамой Тибоди Первым.

Более четырех веков город был центром государства. За четыреста семнадцать лет на троне королевского дворца сменились тридцать три монарха. При одних Сиам вел войны освободительные, при других — захватнические. Одни короли поощряли развитие искусств и культуры; другие, злодейски прикончив своих предшественников, проводили время в развлечениях

и кутежах, растрачивая и разбазаривая накопленные до них национальные ценности.

...Час спустя наш «Москвич» въехал в центр Аютни. Мы поразились тому, что никаких следов прежней столицы не осталось и в помине. Обычный небольшой провинциальный городок. Узкие улицы, одноэтажные дома далеко не древней архитектуры, новые «заурядные» пагоды, новые «заурядные» храмы. Оказалось, что мы находимся в современной Аютни, а старый город, вернее, его останки — руины да развалины — лежат чуть в стороне.

Следуя примеру всех туристов, мы начали осмотр древней Аютни с единственно сохранившегося маленького храма, точнее, не сохранившегося, а выстроенного заново. Скинув при входе сандалии, мы переступили порог храма, удивившись громкому и непонятному шуму, который никак не вязался с нашим представлением о священных местах, где должна сохраняться тишина, да и говорить-то следует только шепотом. Шум стоял такой, будто где-то неподалеку одновременно работали сотни две ткацких станков. Но, как говорится, ларчик открывался просто. В глубине зала, у подножия большой статуи Будды, стояли на коленях человек пятнадцать и, непрерывно кланяясь, трясли в руках деревянные пеналы, наполненные палочками. Они постепенно наклоняли пеналы все ниже и ниже, чтобы одна или две палочки упали на пол. Каждая палочка в соответствии с номером, указанным на ней, предсказывала судьбу. Потрясти пеналом мог каждый желающий. Плати несколько монет, бери пенал в раскинутом тут же киоске с открытками и сувенирами и «работай» до тех пор, пока тебе не выпадет палочка со «счастливым» номером.

Кроме древнего храма да загона, обнесенного гигантскими тиковыми бревнами, врытыми в землю, где в старину монархи выбирали себе боевых слонов, по

возможности белых, от древней Аюттии почти ничего не осталось. Мертвая столица, мертвые руины, мертвые очертания былых улиц и некогда огромных богатейших дворцов и пагод. И лишь среди обломков, где-то в центре бывшей столицы Сиама, прямо под открытым небом вот уже более двухсот лет стоит, а точнее, полулежит, двадцатиметровый каменный Будда как страж старины, как немой свидетель страшной апрельской ночи 1767 года...

Аюттия и роль отдельных личностей

Стоишь перед обгорелыми остатками Аюттии, смотришь на груды битого кирпича, и оживают события того рокового часа, когда полчища бирманского правителя после длительной осады города ворвались в столицу Сиама.

Вспыхнуло пламя пожарищ, раздались предсмертные крики женщин и плач детей. Началась беспощадная резня. Огнем и мечом испепелена была Аюттия, разрушена и уничтожена до основания. Все, что представляло хоть малейшую ценность, бирманцы разграбили и прихватили с собой. Многие уникальные произведения искусств и рукописи, среди которых, как утверждают, находились древние тайские версии индийского эпоса «Рамаяна» — «Рамакиан», погибли в пламени пожарищ. Тысячи и тысячи тайцев попали в плен, сотысячное население Аюттии почти полностью было истреблено.

Говорят, одной из причин гибели города послужил запрет короля стрелять в ночное время из пушек, которые стояли на городской стене. Их грохот, мол, может разбудить его многочисленных жен и наложниц. Рим, следовательно, спасли вовремя заготовившие гуси, а Аютию погубили разоспавшиеся королевские дамы.

Нестерпимо палило солнце, и мы, страдая от жары, заскочили в одну из забегаловок, раскиданных, словно грибы в удачный сезон, тут же специально для туристских толп.

Потягивая через соломинку ледяную кока-колу, мы незаметно разговорились с полнотелой тайкой, хозяйкой этого крошечного заведеньца. Вначале она заинтересовалась, из какой мы страны, нравится ли нам здесь... Одним словом, хозяйка задала нам традиционные вопросы, которые обычно обрушивают на иностранцев в любой стране мира. А несколько минут спустя она уже рассказывала историю о Черном принце, национальном герое периода Аютии.

...Во второй половине шестнадцатого века, когда Аютия в первый раз была захвачена бирманскими войсками, правитель Бирмы Байиннауи посадил на сямский трон бывшего правителя провинции Писнулок. А его малолетнего сына Наресуана Байиннауи увез с собой в качестве заложника. Маленький Наресуан рос и воспитывался в королевском дворце вместе с будущим наследным принцем Бирмы Мин Чит Сва. Вместе они играли, вместе изучали различные науки и военное дело, а вскоре так подружились, что считали себя родными братьями. Шли годы. Байиннауи умер. Бирманский престол занял Нандабайин, отец Мин Чит Сва. Наресуан все острее тосковал по родине; в нем росла обида за свою страну, за свой народ, находившийся под игом Бирмы. Когда отец Наресуана тяжело заболел и стало ясно, что дни его сочтены, правитель Бирмы отпустил Наресуана в Сиам, где в то время называли уже

народные волнения против иностранного гнета. На прощание наследный принц Мин Чит Сва подарил Наресуану инкрустированный золотом меч, рукоять которого была сплошь усыпана драгоценными камнями.

Наресуан возглавил восставший Сиам. За храбрость и бесстрашие его прозвали Черным принцем. Он собрал огромную армию и погнал захватчиков вон из страны. В ходе генерального сражения двух армий под Нонгсарай боевой слон Черного принца внезапно вырвался вперед и стремительно понесся в самую гущу неприятельских войск, и вскоре Наресуан, расчищая себе путь подаренным ему золотым мечом, приблизился к наследному принцу Мин Чит Сва, который стоял во главе бирманской армии. Черный принц вызвал его на поединок. Хотя на занятиях по военному искусству во дворце Байиннауна Наресуан всегда был сильнее своего названного брата как в фехтовании на мечах, так и в рукопашной борьбе, королевская честь тем не менее не позволила наследнику престола Бирмы отклонить вызов. Солдаты расступились, освободив пространство для боя. Первым по жребию нанес удар бирманец. Однако ловкость и быстрота спасли Черного принца от неминуемой гибели. Ответный удар его был точен и неотразим. Предводитель войск Бирмы рухнул обезглавленный со своего боевого слона к ногам победителя. Так был решен исход сражения под Нонгсарай. Аютия после двадцати лет чужеземного господства вновь стала столицей независимого государства.

Хозяйка забегаловки окончила рассказ и, как бы подводя итог сказанному, задумчиво произнесла:

— Вот какой был герой! Настоящий герой! А когда случилось это, — она показала на развалины, — такого героя не нашлось.

— Дело, наверное, не только в Черном принце? Не так ли?

— В общем-то правильно. Один он, конечно, не смог бы. Но главное, что он сумел повести за собой народ. Тогда народ и превратился в огромную силу. Вы уже, наверное, слышали, — продолжала она, — о том, что Аютия якобы погибла из-за запрета короля стрелять из пушек на городской стене. Что касается лично меня, то я в это не верю. Просто тогда не нашлось настоящего героя, не нашлось умного человека, способного встать во главе борьбы.

Поговорив еще немного о «роли личности в истории», мы распрощались с хозяйкой и вышли на улицу, снова оказавшись во власти нещадно палящего солнца. Правда, пока мы утоляли жажду да слушали историю Черного принца, прошел обильный короткий тропический ливень. На температуре воздуха он, к сожалению, нисколько не отразился. Просто усилилась и без того сильная влажность. Наша одежда в одно мгновение стала сырой, будто нас проталили через мойку для автомобилей.

Побродили еще немного по развалинам. Дабы отделаться от назойливых ребятишек, которые с криком «Плиз, файв бат» — «Пожалуйста, пять бат», протягивали статуэтки, «найденные при раскопках», мы купили несколько миниатюрных бронзовых фигурок Будды. Маленькие торговцы со своим «Плиз, файв бат» мгновенно переключились на другую группу иностранцев.

— Вот он, твой белый слон, — неожиданно произнес мой коллега Виктор, протягивая на ладони позеленевшего от времени маленького бронзового Будду.

Я не сразу понял, что он хотел этим сказать.

Дело в том, что согласно преданиям, приводимым в буддийской литературе, тот, кто впоследствии стал Буддой, пережил свыше пятисот перевоплощений. Он был шудрой (самое низкое сословие в древней Индии) и царем, пастухом и раджей, погонщиком слонов и отшель-

ником, камешником, танцовщиком, резчиком, брахманом... Для последнего перерождения грядущий Будда избрал семью правителя шакьев. Произошло это более двух с половиной тысяч лет назад. Однажды жена правителя Майя увидела во сне, как ей в бок вошел белый слон (1). Через положенное время Майя родила сына, которого назвали Сиддхартхой, что означает «выполнивший свое назначение». Сидя как-то на берегу Ниранджаны под деревом бодхи, Сиддхартха за одну ночь путем внезапного озарения, после длительного и глубокого созерцания постиг сущность бытия и открыл путь к спасению. Познав таким образом «четыре благородные истины», Сиддхартха стал Буддой.

С Аютией связаны не только истории о смелых и благородных героях. Вспомнился как-то услышанный рассказ о появившемся здесь в середине семнадцатого века Константине Фальконе, греке, который за сказочно короткий срок сделал стремительную карьеру, став фаворитом короля.

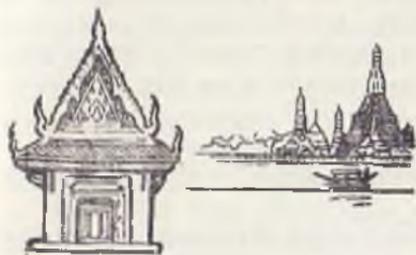
В 1675 году английский корабль «Феникс» бросил якорь в Аютии. На берег по трану сошел двадцатипятилетний Фалькон, торговый агент капитана Джорджа Уайта.

Однажды король приказал определить вес здоровенной пушки. А так как весов достаточного размера в то время не было, никто не мог выполнить королевское распоряжение. Фалькон, ставший к тому времени чиновником министерства финансов, вызвался сделать это. Он применил уже испытанный метод, открытый в третьем веке до нашей эры ученым из Сиракуз, который, обдумывая проблему, как же ему определить вес серебра и золота в короне царя Гиерона, погрузил свое тело в ванну и неожиданно пришел к простому открытию, известному сейчас любому школьнику средних классов как закон Архимеда. Фалькон, действуя по тому же принципу, поместил пушку в лодку и отметил

ватерлинию. Потом он нагрузил лодку камнями, пока она не осела до намеченной линии, и, взвесив каждый камень в отдельности, определил общий вес пушки.

Находчивость грека была по достоинству оценена королем. Из простого служащего сиамского казначейства он превратился в первого министра при дворе. Связанный с правительством Людовика XIV, греческий авантюрист за короткий промежуток времени посадил французов на многие важнейшие государственные посты. При его посредничестве Франции удалось навязать Сиаму ряд неравноправных соглашений, французская Ост-Индская компания получила в стране полную свободу торговли. Не без нажима со стороны Фалькона король Нарай отдал французам несколько фортов и стратегически важных городов. Сговорившись с иезуитом Ташаром, Константин Фалькон выработал план обращения народа Сиам в христианство, чтобы тем самым окончательно подчинить страну Франции. Но так или иначе этот план грека был сорван, а несколько лет спустя народ, возмущенный действиями французов, выгнал их из страны. Фалькона публично казнили. Жену его, японку по имени Золотая подкова, посадили в тюрьму. Однако ей удалось избежать участи своего мужа, и, пережив головокружительную цепь событий, Золотая подкова появилась в королевском дворце в роли... управляющей кухней. Говорят, единственно, что напоминает до сих пор о Фальконе, — это печать министерства финансов Таиланда, на которой изображен сокол. Возможно, что это какая-нибудь другая птица. Никто толком не знает. Но у Фалькона, мол, в бытность его служащим казначейства была именно такая личная печать.

Возвращались в Бангкок мы поздно вечером. Солнце уже опустилось за горизонт, и лишь свет красно-бурого, постепенно угасающего заката помогал угадывать в наступившей темноте очертания домов и деревьев.

Когда солнце из
созвездия «Рыба»
переходит
в созвездие «Овен»

В Таиланде бесконечное число праздников. Кажется, не проходит недели, чтобы народ не отмечал какое-нибудь событие. Будь то Новый год или день Чакри, день коронации или фестиваль «Лой кратонг», день конституции или Маха Буча, каждый обставлен с восточной пышностью и торжественностью. А в целом любому из них присуще веселье.

Праздник Сонгкраи, возвещающий наступление тайского Нового года, обычно падает на первую половину апреля и отмечается в тот самый день, когда солнце в полном соответствии с древним индийским астрологическим календарем переходит из созвездия «Рыба» в созвездие «Овен». Одна из множества церемоний Сонгкраи — «шествие избранной» — связана со старинной легендой о миллионере, трех вопросах и семи девушках, о которых речь впереди.

Праздник Сонгкраи — чисто народный и потому особенно любим жителями страны. Подготовка к нему начинается задолго: шьют новые костюмы и платья, обязательно красивые, нарядные. В канун Сонгкраи проводится всеобщая генеральная приборка — «весенняя чистка». Повсюду люди скребут улицы и дворы, моют полы, окна, стены, сжигают мусор. Интересно, что, воспользовавшись этой народной традицией, правительство ежегодно официально объявляет день, предшествующий Сонгкраи, днем борьбы за чистоту и здоровье.

— Мистер, — обратился ко мне садовник Вичай за день до праздника, — хотите, я провожу вас завтра в храм По? Буду, так сказать, вашим гидом? Посмотрим, как народ веселится. Только оденьтесь во что похуже... Ну, во что не жалко.

— Зачем же это? — заинтересовался я.

— Сами увидите. — Вичай таинственно улыбнулся. — Обычай.

Для жителей столицы Сонгкран начался точно так же, как начинается обычное утро, только, возможно, чуть раньше. В домах готовили яства для монахов, которые вот-вот должны были отправиться в свой ежедневный поход за подношением, — самые лучшие, изысканные, праздничные — разумеется, по средствам.

Мы с Вичаем двигались по направлению к храму По, расположенному неподалеку от королевского дворца — так называемой зимней резиденции Пумипона Адульядета, на месте бывшего монастыря Поратам. Храм (или ват) По знаменит своими 394 статуями Будды и галереей, стены которой украшают резные мраморные панно с изображением сцен из древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Эти панели были найдены в руинах некогда разрушенной бирманскими войсками столице Снама — Аюттии. Храм знаменит также сорокадевятиметровой скульптурой позолоченного Будды в позе перехода в нирвану.

Неожиданно раздался громкий звук, который вполне можно было принять за выстрел.

— Осторожно, мистер! — Вичай схватил меня за локоть.

К ногам упал целлофановый пакет с водой. Он разорвался, и брызги ударили по ногам, а откуда-то сверху на нас вдобавок вылили еще с полведра воды. Послышались веселые выкрики, что-то вроде «фаранг попался».

— Надо было надеть костюм, который не жалко.

Я же предупреждал. — Вичай озабоченно осмотрел мой пиджак и брюки. — Повезло еще, что вода из-под крана. А то, знаете, частенько случается, что не в меру шустрая молодежь устраивает из праздника сущее безобразие: поливает людей грязью или остатками кофе. Хулиганят. Полиция в общем-то за это наказывает. Штрафует. Но сами видите...

Храм По был до отказа заполнен людьми. Чувствовался необычный подъем. Женщины в пестрых платьях, мужчины в белых рубашках с короткими рукавами. На лицах радость и возбуждение. Недаром Сонгкран называют праздником веселья.

Те, кто находился в храме, занимались, как мне показалось, в основном двумя вещами. Они или поливали водой позолоченные изображения Будды, или же из песка возводили маленькие пагоды. Окропить Будду в Сонгкран — значит проявить к нему наивысшее уважение. Что касается песчаных построек, то тут дело обстоит намного сложнее. Каждый, свершая это деяние, руководствуется своими собственными мотивами. Вместе с тем все сходится на том, что возводить пагоды из песка забавно и весело. Существует несколько объяснений подобному ритуалу, неизменно сопровождающему Сонгкран. Все они связаны с древним буддизмом и индийским царем Ашокой. «Несведущие» же утверждают, что это нечто вроде попытки возратить в храм тот песок, который верующие и туристы унесли на своих подошвах за минувший год.

Вичай пояснил, что в Таиланде имеются два места, где во время Сонгкрана соблюдаются свои традиции.

— В Чиангмае, например, брызгаются водой не только из-за веселья, а с тем, чтобы год был дождобильным. А в Паклате, — продолжал он, — деревушке провинции Самут Пракан, жители утром направляются к реке и пускают в воду рыбок: хотят, чтобы грядущий год был рыбообильным. А по вечерам они соби-

раются в центре Паклата и играют в «сабу». В игре принимают участие юноши и девушки. Смысл ее состоит в том, что молодые люди ловят — по предварительной договоренности, конечно, — своих возлюбленных, а затем объявляют себя во всеуслышание женихом и невестой. Впрочем, — добавил Вичай, — в «сабу» играют по всей стране. Ведь в Сонгкрае родители благословляют молодых, даже если прежде они по каким-либо причинам противились их браку. Это тоже одна из традиций праздника веселья.

По дороге назад мы стали свидетелями интересного зрелища. Впереди празднично разодетой колонны людей медленно двигался грузовик, в кузове которого на деревянном тигре восседала девушка. Она, по всей видимости, была главным действующим лицом шествия.

Тут Вичай поведал мне легенду о миллионере, трех вопросах и семерых девушках.

...У одного бездетного миллионера соседом был пьяница, который имел двух сыновей. Однажды, зайдя в дом богача, пьяница разбушевался и наговорил хозяину много оскорбительных слов. «Да как ты смеешь при мне вести себя подобным образом? — разъярился хозяин дома. — Я богат, а ты...» Пьяница ответил: сколько у кого денег, не имеет никакого значения, у него, мол, есть дети, это его главное богатство. И он ставит себя выше миллионера, который не имеет ни сына, ни дочери.

С того дня богач принялся дено и ночью молиться, выпрашивая у Солнца и Луны ребенка. Так продолжалось три года. На четвертый, когда подошел Сонгкрай, миллионер приказал слуге промыть семь раз рисовые зерна, сварить их и, вскарабкавшись на гигантскую индийскую смоковницу, что одиноко росла на берегу реки, предложить зерна духу индийской смоковницы, моля его при этом испослать богачу ребенка. Дух благосклонно отозвался на мольбы и отправился к богу Инд-

ре, защитнику и покровителю людей. Индра, в свою очередь, превратил одного из богов — Дхармабала — в ребенка, дал ему имя Дхарма Кумара и послал к богачу.

Миллионер построил для сына семиэтажную башню на берегу реки, рядом с индийской смоковницей. Ребенок хорошо знал язык птиц и к семи годам превратился, по нашим понятиям, в совершеннейшего вундеркинда. Когда слухи о чудо-ребенке дошли до бога Кабилабрахмы, тот спустился с небес и задал Кумаре три вопроса: где находится красота утром? Днем? И вечером? «Пусть мне отрубят голову, — сказал Кабилабрахма, обращаясь к Кумаре, — если ты ответишь на них. Если же не ответишь, пеняй на себя. С плеч слетит твоя голова».

Чудо-ребенок попросил неделю на размышление. Минуту шесть дней, а он все не находил ответов. И тогда Кумара решил убежать, скрыться от Кабилабрахмы.

Он спрятался под пальмовым деревом, на котором жили орлы. Ночью орлица спросила орла, какую пищу он принесет ей завтра. «Тело Дхарма Кумары, — сказал орел. — Он не сможет ответить на три вопроса и будет обезглавлен». Орлица заинтересовалась, что за такие трудные вопросы заданы Кумаре. Орел назвал их и тут же дал ответы: «Утром красота — на лице. Вот почему люди освежают по утрам лица. Днем — в груди. Вот почему люди смачивают в полдень грудь. Вечером — в ногах. Вот почему люди моют ноги по вечерам».

Кумара, слышавший разговор орлов, вернулся обратно в башню. На следующий день он дал Кабилабрахму три ответа на три его вопроса.

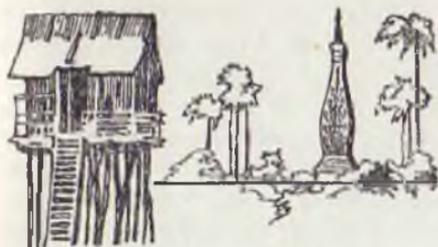
Тогда Кабилабрахма вызвал семь своих дочерей, которые были женами Индры, и приказал им выполнить данное слово, то есть отрубить ему голову. «Но поскольку

ку моя голова обладает волшебными свойствами, — предупредил он, — ее нельзя класть на землю, иначе сгорит весь мир. Ее нельзя бросать в воздух, иначе воздух станет таким сухим, что никогда не выпадет дождь. Ее нельзя опускать в воду, иначе вся вода испарится, и земля останется без влаги».

Дочери должны были поместить голову отца в специальное вместилище и отнести ее в одну из пещер той горы, где проживал Индра. Каждый год в один и тот же день им по очереди следовало вынимать голову отца и проносить ее вокруг горы. День этот — Сонгкран.

— Вот и вся история, — заключил Вичай. — Только теперь голову бога Кабилабрахмы носят не вокруг горы, а везде, по улицам. И в праздник обязательно выбирают девушку, которая символизирует какую-либо из дочерей Кабилабрахмы. «Избранная» должна передвигаться, сидя на спине какого-либо определенного животного. Сонгкран может выпасть на любой день недели. Если это понедельник, то девушку нарекают именем Корага, и едет она на тигре. Вот сегодня как раз и есть понедельник. Если вторник, то она Ракас и сидит на свинье, в среду — Мондха на осле, в четверг — Кириини на слоне, в пятницу — Кимитха на буйволе, в субботу — Маходхара на павлине и в воскресенье — Дунгша на мифической птице гаруде...

Вокруг продолжалось веселье. Сонгкран был в самом разгаре. Пока добирались до дома, пришлось не раз испытать на себе своеобразные водные процедуры. Промокли буквально насквозь. Люди лили воду друг на друга, пытались попасть в открытые окна машин и автобусов. В ход шло все, что могло удерживать и выплескивать воду: плоские ведра, целлофановые пакеты, ладони, специальные трубочки, чайники, кастрюли... И повсюду слышалось громкое «Савади пи май!» — «С Новым годом!».

Дорога на юг

Прекрасная широкая автострада Петкасен пролегла змеей от Бангкока на юг вдоль Малаккского полуострова, по берегу Сиамского залива, через города Након-Патом, Ратбури, Хуа Хин, Прачуабкириккан и далее через Сонгкла до самой границы с Малайзией. Дорога эта соединяет столицу с районами, которые играют большую роль в экономической жизни страны, поскольку именно на юге сосредоточено производство каучука и добыча олова — двух основных наряду с рисом продуктов тайландского экспорта.

Нам повезло. Обстоятельства сложились таким образом, что мы отправились в южные провинции за несколько дней до выборов в парламент, а точнее, в его нижнюю палату. Таким образом, представилась возможность не только познакомиться с жизнью юга, но и посмотреть, как же проходят подготовка и сами выборы.

Отправились мы в путешествие вдвоем с Виктором. Заранее договорились вести машину поочередно, чтобы не уставать. Прихватили на всякий случай «айс бокс» — ящик со льдом. Вначале думали взять и спальные мешки, авось понадобятся, но, следуя советам уже не раз колесивших по стране товарищей, отбросили эту затею. Следует сразу оговориться, что поступили мы правильно. В какой бы город мы ни приезжали, центр ли провинции или меньшей административной единицы — ам-

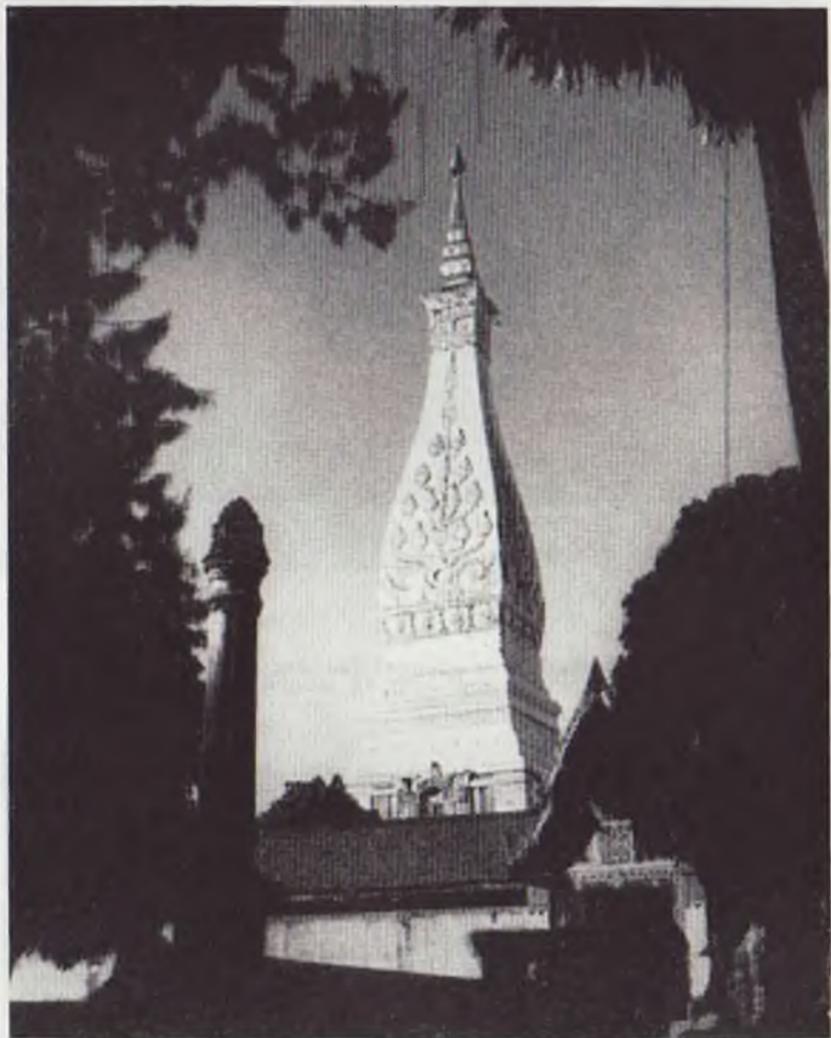
пура, к нашим услугам всегда были три-четыре, а то и больше полупустые гостиницы. В этом направлении туристы путешествуют редко.

Поскольку маршрут наш пролегал вдоль побережья, проблемы ночевки практически возникнуть и не могло; через каждые пять-десять километров попадались указательные стрелки с надписью «бунгало». Стоило только свернуть с основной дороги на грунтовку — спустя несколько минут мы оказывались на берегу моря среди множества сооружений, напоминавших летние дачи. Отличались они лишь тем, что построены были на тонких ногах-сваях, а в окна вместо стекол вставлены противомоскитные металлические сетки.

«Айс бокс» с прохладительными напитками кока-кола, пепси-кола, севен-ап мы взяли с собой, как оказалось, напрасно. Буквально на каждом шагу — в городах, в деревнях, просто у дороги — попадались маленькие харчевни, где утомленные нещадно палящим солнцем путники могли не только утолить жажду, но и испробовать настоящую тайскую кухню.

Куда бы мы ни приезжали, мы становились свидетелями предвыборной кампании. Она велась вовсю и довольно интенсивно. Стены домов, кузова грузовиков и повозок рикш, заборы и телеграфные столбы, бензоколонки — все было обклеено листовками с портретами кандидатов и плакатами, призывавшими голосовать за ту или иную партию. А партий, выставивших своих кандидатов, — двенадцать. По улицам разъезжали автомобили с громкоговорителями, напоминая жителям о том, что в понедельник состоится всеобщие выборы.

Забегая вперед, скажу, что на этих выборах, состоявшихся 10 февраля 1969 года, в палату представителей — нижнюю палату парламента — было избрано 219 депутатов: 75 членов Правительственной партии объединенного тайского народа, 72 «независимых»

Одна из древнейших буддийских ступ (провинция Након Паном).

Храм (провинция Убон).

Паром через реку Меконг соединяет Таиланд с Лаосом.

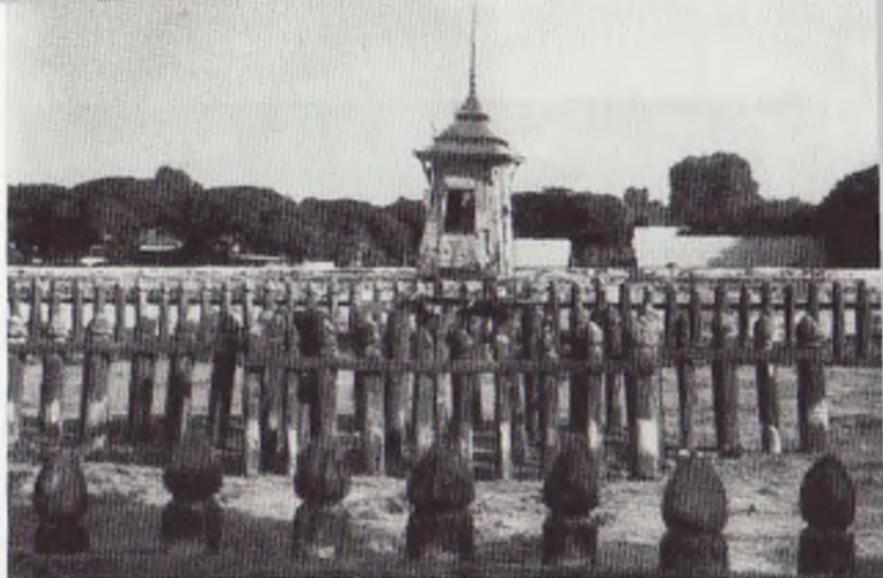
Берег Сиамского залива.

Беседка в королевском дворце Банг Па Ин.

Буддийские ступы в древней столице Сиама — Аютии.

Загон для королевской охоты на слонов (XVII век).

Так живут таиландские крестьяне.

Классический танец.

На территории ежегодной ярмарки Красного Креста.

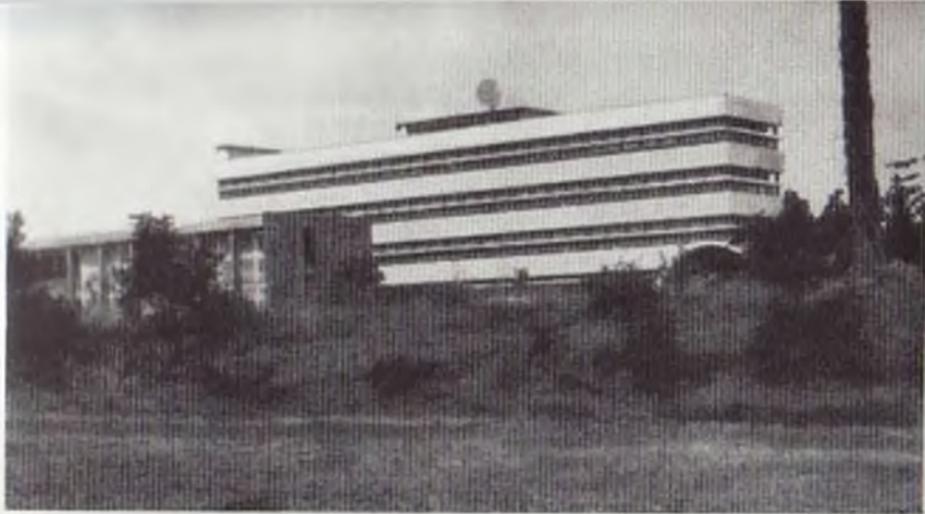
Традиционная схватка на мечах — «краби крабонг».

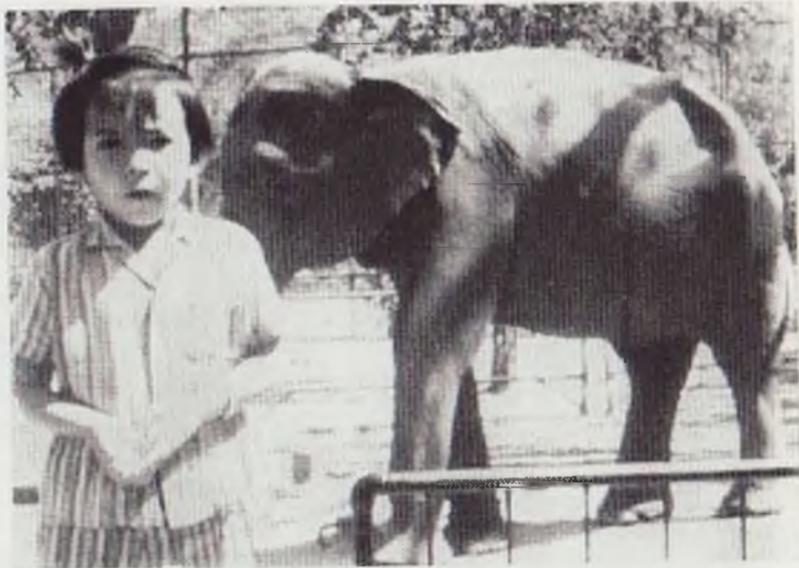
Танец «фаун леп» — бронзовых когтей.

Одно из зданий нового университета в Конкене.

Развалины древнего храма в Памее.

Слон-альбинос в столичном зоопарке.

Золотой Будда.

Памятник выдающемуся тайландскому реформатору
королю Чулалонгкорну.

Внутренний двор Мраморного храма.

Торговец орехами.

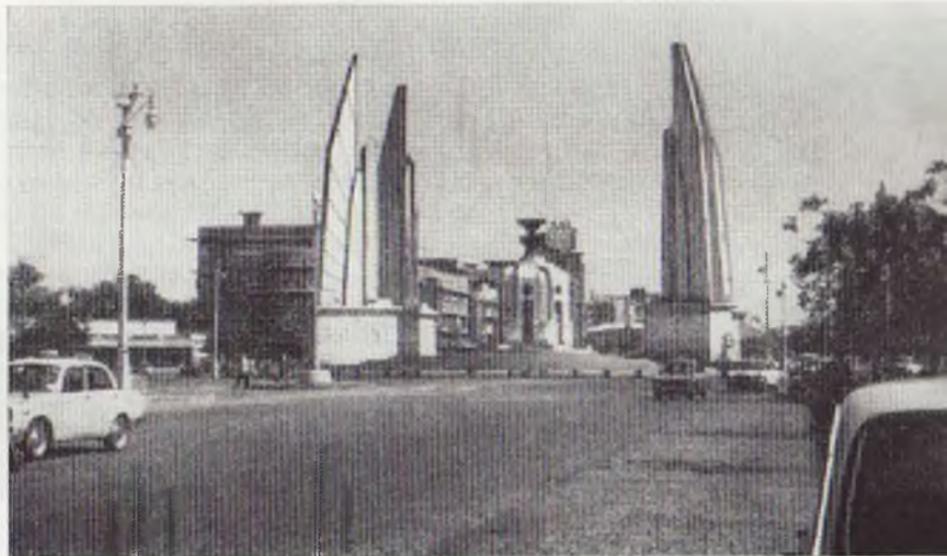

Самая высокая точка Бангкока — Пу Кау Тонг («Золотая гора»).

Торговый квартал в китайском районе столицы.

Монумент демократии (воздвигнут в честь буржуазно-демократической революции 1932 года).

Современный храм в Аютии.

Въезд в Люмпини-парк — место народных гуляний.

Кормление королевской кобры в Пастеровском институте в Бангкоке.

(группа, которую контролировал второй человек в правительстве министр внутренних дел Прапат Чарусатен), 58 депутатов от правой оппозиции (Демократическая партия) во главе с Сени Прамотом и 4 места получила левая оппозиция — Объединенный экономический фронт, 10 — другие партии.

Выборы — праздник, нерабочий день. Характерно, что в Таиланде ни одно общенациональное мероприятие не проводится и не назначается на выходные дни: субботу или воскресенье. Даже больше. Если «красные дни», такие, как день конституции, день рождения королевы и другие, попадают на выходные, то суббота или воскресенье, в зависимости от того, какой из этих дней совпал с национальным праздником, официально переносятся на один из рабочих дней недели. Праздники праздниками, а выходные, мол, тоже положены.

Итак, в соответствии с принятой в 1968 году конституцией, восьмой со времени государственного переворота 1932 года, ознаменовавшего переход от абсолютной монархии к ограниченной, военная верхушка Таиланда решила провести выборы. После переворота 1957 года, совершенного группой офицеров во главе с Сарит Танаратом, в стране прочно установилась военная диктатура и объявлено чрезвычайное положение. И вот впервые за двенадцать лет народ получил право выбрать своих представителей в «мертвый дом». Такое название тайцы дали зданию парламента по той причине, что оно долгое время пустовало.

...Прошло уже около часа, как мы выехали из столицы. Машина, мягко шурша колесами по асфальтовому покрытию, поглощала километр за километром. Пока мы с Виктором решали вопрос, где все-таки лучше остановиться на ночь, впереди показался Након-Патом. Города еще видно не было, но на фоне светло-голубого неба мы различили шпиль знаменитой Золотой пагоды, самой высокой в Таиланде. Она ослепительно отража-

ла лучи полуденного солнца бесчисленным множеством зеркальных осколков, вкрапленных в камень.

Время приближалось к обеду. Мы решили сначала поесть, а уж затем осмотреть достопримечательности этого небольшого городка. Расположившись в уютном ресторане как раз напротив знаменитой Золотой ступы, мы после тщательного изучения меню заказали жареного цыпленка и тайское блюдо под названием као лам. Отдавая дань владельцу ресторана, следует сказать, что в карточке насчитывалось не менее восьмидесяти национальных блюд, и можно было абсолютно не сомневаться в том, что, какое бы из них мы ни заказали, оно было бы приготовлено. «К сожалению, нет» или «только что кончилось» — таких ответов вы не услышите. В меню были и уже знакомые нам названия. Као пат — рис с мясом или курицей, каном паи — пельмени, том ям — тайский суп, ко мок — паста из креветок с рыбой, перцем и чесноком, салым — сладкая лапша, сангайя — кокосовый пудинг, суп из акульих плавников, суп «ласточкино гнездо», яйца красных муравьев...

Пока готовили еду, несколько официантов быстро и ловко сервировали стол. Появился графин с прохладной водой, разнообразные приправы и всевозможные фаянсовые тарелки с соусами: кислыми, сладкими, горькими... Принесли также салфетки в целлофановой упаковке — только что из холодильника. Их следовало брать в одну руку и с силой ударять по ладони другой. Пакет с треском разрывался. Такие салфетки подают почти в каждом ресторане для обтирания лица и рук.

На кухне повара орудовали над као ламом и цыпленком, а хозяин ресторанчика развлекал нас рассказами о своем городе, о Золотой ступе — гордости жителей, построенной девятьсот лет назад, которая чуть-чуть, но все же выше известной пагоды Шведагон в Рангуне, о бронзовой скульптуре собаки, которую за

неключительную преданность таким вот образом увековечил один из королей.

— А река Квай отсюда далеко? — задал вопрос Виктор.

— Всего несколько километров, в провинции Канчанбури. — Хозяин махнул рукой куда-то в сторону. — Там знаменитый мост. Многие помнят трагедию, связанную со строительством железной дороги, «дороги смерти», соединившей город Банг Понг с Бирмой. Шестьдесят две тысячи военнопленных различных национальностей и сто пятьдесят тысяч вольнонаемных тайцев строили ее во время второй мировой войны для японцев. Шестнадцать тысяч из них домой не возвратились. Погибнув от голода и малярии, от безжалостного солнца и амебной дизентерии, от укусов ядовитых змей и других тропических тварей, почти все они навсегда остались лежать на трех огромных кладбищах у реки Квай.

По словам хозяина ресторана, Након-Патом славится редкой породой уток и изобилием грейпфрутов.

— В каждом районе есть свое, так сказать, фирменное блюдо, — добавил он. — На севере отлично готовят хаем — свиные сосиски, на северо-востоке — блюдо из сырой рыбы под названием пла дек. А вот такого вкусного као лама, как у нас, вы нигде в Таиланде не найдете. В этом вы можете убедиться сами. — Он кивнул в сторону кухонной двери, откуда торжественно выносили блюда с мелко нарубленными кусками дылленка и... бамбуковые поленья.

Такие поленья мы видывали и раньше, однако никогда их не пробовали, да и понятия не имели, что это и есть знаменитый као лам. Звено довольно толстого бамбука, набитое клейким рисом, смоченным соком кокосового ореха, и запеченное в печи или на костре, — едва ли не самая распространенная и самая дешевая

еда и провинциях. Специально для нас, по словам хозяина, и рис добавили еще изюм.

Через час с небольшим, после беглого осмотра города, мы двинулись дальше с таким расчетом, чтобы к вечеру добраться до Пётбури, где, по имеющимся у нас сведениям, находился отличный отель на самом берегу моря. Мы торопились. Торопились засветло поспеть в Петбури, зная на опыте, как трудно ориентироваться в незнакомой местности, в незнакомом городе с наступлением сумерек.

Солнце огромным оранжевым апельсином стояло еще довольно высоко над горизонтом, когда мы въехали в Петбури. Сняв номера в гостинице, мы первым делом решили искупаться, смыть с себя дорожную пыль. С точки зрения тайцев, стоял необычный холод. Термометр показывал плюс 24 градуса. Дул сильный порывистый ветер, и море, как назло, было беспокойное, что крайне редко в Спамском заливе. Метровые волны под влиянием пришедшего из Японии циклона или антициклона с шумом обрушивались на берег, выбрасывая на песчаный пляж ракушек, медуз, водоросли, палки.

Берег пустовал. Кругом ни единого человека. Лишь служащие отеля, укутавшись в шерстяные накидки, следили за нами с недоверием и любопытством. Мы же чувствовали себя в родной стихии, будто купались не в водах Спамского залива, а где-то в Прибалтике в самый разгар летнего сезона.

Наутро, разбуженные адским шумом, мы поднялись рано. Здание гостиницы тряслось и содрогалось, точно его вдруг принялись капитально перестраивать. Где-то с грохотом передвигали, видно, стулья и столы. Хлопали двери и окна. В коридоре слышался топот ног. С улицы доносились голоса, рев автомашин, треск мотоциклов. Тщетно нажимали мы кнопки, изображавшие человека с подносом и человека со шваброй. Никого не

дождавшись, мы спустились в холл, где, к великому нашему изумлению, толпилось человек сорок... в форме сотрудников тайландской военной полиции.

Прибыли они сюда, как выяснилось, для охраны премьер-министра, который, совершая предвыборный круиз по южным провинциям страны, возвращался из Сонкла в Бангкок. Весь штат отеля лихорадочно производил приборку, готовил закуски, расставлял приборы для ленча. Машина Танома Киттикачона была уже на подходе к Петбури.

Позавтракать нам в гостинице не пришлось. Никто из обслуживающего персонала внимания на нас не обращал и на наши вопросы не отвечал. Вместо этого мы чувствовали на себе цепкие, профессионально-подозрительные взгляды сотрудников тайландской военной полиции.

Трюк кандидата

Накануне в городе Ратбури мы обратили внимание на обилие предвыборных плакатов. Остановившись возле одного из избирательных участков, мы принялись изучать вывешенные на стене анкеты кандидатов в парламент, в которых приводились их биографические данные и давались обещания, что они сделают для жителей провинции в случае избрания. Анкет было семь. В глаза первым делом бросилась вторая от края. Ее пансосок перечеркивало жирное черное слово: «Анну-

лирования». Проходивший мимо таец объяснил нам, что произошло.

— О! Это хитрый ход. Один независимый кандидат, кетати сказать, миллионер, дал другому, известному в провинции человеку, но небогатому, крупную сумму денег, чтобы тот выставил свою кандидатуру на выборах. Он и выставил. Но когда срок регистрации прошел, миллионер потребовал свои деньги обратно и тем самым вынудил этого человека снять свою кандидатуру, ибо тот не располагал достаточными средствами для организации предвыборной кампании. Этот трюк, конечно, поднял шансы миллионера, поскольку число зарегистрированных кандидатов хотя и на одного человека, но все же уменьшилось.

Остро, однако, проходила предвыборная борьба!

В провинции Петбури мы посетили избирательный центр, где познакомились с плотным, невысокого роста тайцем в серо-зеленой форме государственного чиновника. Он представился господином Тамнонгом, начальником центра. Он охотно рассказал, что из двенадцати партий, выставивших кандидатов в нижнюю палату от семидесяти одной провинции Таиланда, в Петбури баллотируются лишь представители трех: Правительственной, Народной и партии Демократический фронт. Кроме того, было зарегистрировано несколько «независимых».

— Кого же представляют эти «независимые»? — спросили мы.

— Да никого. Они сами по себе, — сказал Тамнонг. — Как правило, «независимые» богаты. Это юристы, предприниматели. У них более чем достаточно денег самостоятельно финансировать и организовать предвыборную кампанию.

Из рассказа Тамнонга становилось ясно, что население провинции в общем-то не только не знает, какие

партии, кроме трех названных, ведут предвыборную борьбу, но нередко даже понятия не имеет о существовании остальных.

— Вот поэтому, — пояснил Тамнонг, — борьба в провинциях в отличие от столицы носит не партийный характер, а полностью зависит от личных качеств того или иного кандидата.

В избирательном центре мы ознакомились с обещаниями кандидатов и их анкетными данными. Мы вчитывались и недоумевали. Создавалось впечатление, что все они напечатаны под копирку, и единственно, что их отличало, так это фамилии, возраст и адреса кандидатов. Все они стереотипно заявляли, что в случае избрания будут бороться за правду, за процветание нации, за экономическое развитие провинции. Никаких конкретных мер не указывалось. Так вот отчего личные качества кандидатов — основной момент предвыборной борьбы в Петбури!

— За кого, если не секрет, вы собираетесь отдать голос? — спросили мы одного из находившихся на участке тайцев.

— Какой же тут секрет! За «независимого». Вот за этого! — Он ткнул пальцем в один из портретов.

— Почему именно за него, а не за кого другого?

— Да его здесь все отлично знают, — последовал ответ. — Он много сделал для провинции.

— А конкретно?

Тайец на мгновение задумался и ответил:

— Ничего особенного, но он все же хороший человек.

Впоследствии часто приходилось слышать от избирателей, что тот или иной кандидат «хороший человек». Хороший, и все!

...Мы ехали в Прачуа́бкирикан. В дороге подзаправились — и в прямом и в переносном смысле: заполни-

ли на колонке бак бензином и тут же на колонке позавтракали. Машина мчалась по пустынному шоссе, приближаясь к Хуа Хину, одному из наиболее фешенебельных курортов страны, куда на отдых в жаркий сезон съезжаются тайландская элита и богатые «фаранги». Поблизости от города на берегу залива возвышается величественное здание королевской летней резиденции «Клай Кангвала». В Хуа Хине ежегодно проводятся национальные соревнования по парусному спорту, неизменными участниками которых вот уже много лет являются правящий ныне король Рама Девятый и его дочь принцесса Убон Ратана, каждый раз занимающие в одиночных и парных гонках призовые места.

Остановки в Хуа Хине мы не делали. Осмотрели лишь город из окна автомобиля, проехали по главным улицам, завернули к морю и, миновав центральную гостиницу, кроны деревьев вокруг которой были подстрижены в форме обитателей тайландских джунглей — слонов, носорогов, лемурув, тигров, леопардов, антилоп, медведей, — мы продолжили свое путешествие и к вечеру без приключений добрались до Прачуабкирикана.

Поселились мы в двухкомнатном бунгало, в нескольких метрах от которого раскатыстые волны размеренно лизали мелкий золотистый песок. Кругом зелеными зонтами стояли пальмы. Слева возвышалась огромная гора с пагодой, служившей как бы продолжением горы. К пагоде серпентиной вела пологая лестница. Четыреста двадцать ступеней — и нам открылся сказочный вид. Впереди безграничное изумрудное море с торчащими из воды зелеными шапками островков, между которыми скользили, оставляя за собой белые бурунчики, лодки и парусники, похожие издали на бумажные детские кораблики. Позади, внизу, раскинулся сам город, напоминая макет. Город был разрезан тремя широки-

ми, прямыми как стрелы улицами, идущими параллельно побережью.

На одной из них было заметно скопление народа. Со всех концов Прачуабкирикана к этому месту группами стекались жители. Дело близилось к вечеру, и мы, решив, что там происходит предвыборный митинг, поспешили вниз.

По дороге разузнали, что многие действительно торопились на митинг. Он, как нам сказали, продолжался уже более четырех часов.

— Затянулся митинг-то, — бросили мы мимоходом двум тайцам.

— Так ведь кандидат еще не приехал, — ответил один из них, и мы явственно почувствовали запах виски.

— Какой партии? — задал вопрос Виктор.

— Правительственной.

— А откуда вы знаете, что он еще не приехал?

— О! Да мы уже два раза были на этом митинге. Два раза, — повторил другой таец и сделал недвусмысленное движение рукой, показывая, что уже выпил спиртного. — Теперь вот в третий идем. Это в общем-то не совсем митинг. Пойдемте быстрее. Сами увидите.

И в самом деле, «это» мало походило на традиционный митинг. Никаких ораторов, никаких трибун. Посередине небольшого сквера стоял наспех сколоченный помост для джаза. Вокруг помоста — столы. «Митинг» заключался в том, что избирателям за счет кандидата выдавали виски «Меконг», пиво, закуски. Многие сидящие за столами уже изрядно «памитинговались». Грохотал оркестр. Время от времени музыка прерывалась, и кто-то через репродуктор выкрикивал: «Голосуйте за кандидата номер четыре!» Избиратели чокались и кричали: «Чай йо!» — «Ура!»

Но вот внезапно воцарилась тишина. Все повернули головы в сторону приближавшегося серебристого «мерседеса» последнего выпуска: прибыл кандидат номер четыре. Довольно молодой, в расписной рубашке навыпуск, он, не скрывая своей военной выправки, поочередно подходил к каждому столику, пожимал всем руки и выпивал по глотку виски. Когда кандидат переходил к следующему столу, вслед ему несло «чай йо!», и вверх скидывались руки с растопыренными четырьмя пальцами. «Голосуйте за кандидата номер четыре!» — надрывался репродуктор.

В заключение «митинга» для тех, кто был еще в состоянии сидеть за столами, показали художественный фильм голливудского производства. На экране кто-то кого-то насиловал, грабил, убивал из бесшумного пистолета, появлялся из каминных труб и сточных люков и, удирая от полицейских, вскакивал в проносящиеся на полном ходу экспрессы...

Мы с Виктором тоже были приглашены хлебнуть по глотку предвыборного виски, но острого желания идти голосовать за кандидата номер четыре у нас почему-то не возникло, как, впрочем, и у многих окружающих, которые по ходу «митинга» куда-то удалялись. Куда?

Оказалось, что точно такой же «митинг» проводит на соседней улице и «независимый» кандидат. Только там демонстрировался тайландский фильм с популярной в народе актрисой Петчарой в главной роли. Фильм рассказывал о любви, ревности и злодее, который тщетно пытался посорить влюбленных.

Только к полуночи предвыборные страсти улеглись. «Митинги» закончились, опустели улицы Прачуабкирикана. Люди растеклись по домам. Завтра выборы. Завтра всем им предстоит идти на избирательный участок. За кого же они будут голосовать? Похоже, и «независимый», и кандидат от Правительственной партии, оба

они подходят под категорию «хороший человек». Кто же лучше?

На выезде из Прачуабкирикана у нас произошла заминка, в результате которой мы «потеряли» с полчаса.

У самой обочины находилась довольно высокая, поросшая редкими деревьями скала. Нам вначале показалось, что она сплошь покрыта серыми, как лишай, мерцающими пятнами. Приблизившись к скале, мы поняли, что на ней резвились и прыгали, вереща на разные голоса, сотни обезьян. Остановились и рассмотрели животных вплотную. Они были какой-то серо-грязной расцветки с чудовищно длинными хвостами. Некоторые продолжали неподвижно, как портянки, висеть на деревьях, хвостами уцепившись за ветки, другие, не обращая на нас ни малейшего внимания, вели свои обезьяньи игры. Часть из них, видно, заинтересовалась нашим автомобилем. Обезьяны выбрались на дорогу, обступили машину кольцом и принялись тыкать в нее пальцами, словно собирались купить. Поминутно они что-то выкрикивали — делились соображениями. Затем то ли по сигналу своего предводителя, то ли настало время завтракать, часть их мгновенно выстроилась в колонну, они подравняли строй и, словно солдаты, отправились через дорогу в сторону забегаловки, где принялись приставать к посетителям, выклянчивая бананы. Это были обезьяны, уже хвадившие цивилизации. Возможно, прнехав сюда во второй раз, мы увидели бы их пьющими виски...

Но увы! Нам не пришлось больше бывать в Прачуабкирикани. К сожалению, мы не стали и очевидцами последующих (1975 и 1976 годов) выборов (которые проходили в отличие от предыдущих уже не в обстановке военно-полицейского террора), а следили за ними из Москвы по газетным материалам.

Новый парламентский режим просуществовал недол-

го. Через три года тайландцы вновь лишились всех дарованных им свобод и прав, в том числе права голосовать. 17 ноября 1971 года в стране произошел бескровный государственный переворот, в результате которого всю полноту власти прибрал к рукам фельдмаршал Таином Киттикачон, вставший во главе Национального исполнительного совета (НИС), почти полностью состоявшего из высокопоставленных военных. Разумеется, был распущен парламент, политические партии, запрещено было создание новых, отменена конституция, и здание на площади Чулалонгкорна опять превратилось в «мертвый дом».

Полицейским террором режим пытался запугать народ. Несмотря на репрессии и карательные меры, к которым прибегало правительство, сопротивление военщины росло и ширилось с каждым днем. Во многих районах страны действовали партизаны. В январе 1972 года они даже совершили налет на главную авиабазу США в Таиланде Утапао, уничтожив три стратегических бомбардировщика Б-52.

Правящие круги были вынуждены отказаться от прямого военного управления страной. В конце 1972 года король подписал временную конституцию. Было создано Национальное собрание, ликвидирован НИС, образован Совет министров, в который паряду с военными входили и гражданские люди.

А год спустя диктаторскому режиму Танома Киттикачона пришел конец. В октябре 1973 года было сформировано гражданское правительство, которое выдвинуло следующие задачи: оздоровить экономическую обстановку, стабилизировать цены на внутреннем рынке, приостановить рост дороговизны, улучшить положение трудящихся масс, покончить с безработицей, предпринять шаги по борьбе с инфляцией. В области внешней политики оно выступило за отказ от односторонней ориентации на США, за расширение и укрепление связей с со-

циалистическими государствами, за налаживание дружеских контактов с соседними странами, за мир и нейтрализацию региона.

Приверженцы военной диктатуры, высокопоставленные армейские чины, крайне правые силы, объединившиеся в антикоммунистический фронт, искали предлог для открытого выступления и установления власти «твердой руки», власти «штыков и пушек».

И вот предлог нашелся. 6 октября 1976 года тысячи студентов собрались на территории Таммасатского университета в знак протеста против самовольного возвращения в страну из эмиграции бывшего военного диктатора Танома Киттикачона. Их ждала жестокая расправа. Фашиствующие молодчики из ультраправых организаций «Навапон» и «Красные буйволы», специальные отряды полиции пустили в ход карабины и автоматы, гранаты и даже тяжелые орудия. Раненых студентов добивали ногами и прикладами, выкалывали им глаза штыками и палками. Несколько демонстрантов облили бензином и сожгли, других бросили в костер, третьих линчевали. Кровавая бойня продолжалась шесть часов. Затем арестованных отвели на футбольное поле, велели снять одежду, чтобы их можно было опознать, если кто-нибудь вздумал бы убежать, приказали лечь на землю, сомкнув руки на затылке. Отыскивая оружие, полицейские ходили по рядам уткнувшихся головами в грязь юношей и девушек и пинали их в лица коваными сапогами.

Пока шла расправа над студентами, радио объявило об отстранении от власти гражданского правительства Сени Прамота. Была отменена конституция 1974 года (позднее была принята временная), разогнан парламент, введено по всей стране чрезвычайное положение, судебная власть передана военным трибуналам. Кроме того, были распущены все политические партии и профсоюзы, на несколько месяцев закрыты школы и высшие

учебные заведения, введена жесткая цензура печати, запрещены многие либеральные журналы и газеты. В ходе повсеместных облав было арестовано около десяти тысяч человек. В провинциях началось строительство лагерей «перевоспитания» для лиц, подозреваемых в левых настроениях.

Как отмечала иностранная печать, молниеносный характер военного переворота свидетельствовал о его тщательной подготовке. Учитывая, что с военными диктатурами народ связывает самые мрачные времена в истории страны, генералы пошли на то, чтобы назначить премьер-министром гражданское лицо. Им стал судья Танин Краивичьен. Выступая по радио, новый премьер прямо заявил, что ни о каком восстановлении в скором времени демократического правления и речи быть не может. Выборные органы будут созданы не раньше чем через четыре года, а демократия будет «возрождена» лишь к 1988 году.

Ночная жизнь

По вечерам, когда нестерпимая духота слегка спадает и в черном небе над «городом ангелов» вспыхивают мохнатые звезды тропиков, большинство тайландцев укладываются спать, обдумывая нелегко прожитый трудовой день и размышляя о новом, несомненно, тоже не-

легком дне. Многие улицы Бангкока пустеют, становятся тихими, дремотными.

И вместе с тем шумными очагами в этой тишине начинается иная, непохожая на дневную жизнь ночью. Она проходит в неисчислимых барах, ресторанах и почтовых клубах, в которых тайские девушки в таких коротеньких юбках, что их нельзя назвать мини, нередко еще и с номерками на груди, садятся посетителям на колени и, обнимая, запросто предлагают себя.

Кому же они себя продают? Не соотечественникам. Нет. В заполуночные часы самих тайцев на улицах не так уж и много. И это совсем не те горожане, которых можно было увидеть здесь днем. Шатаются, всю проматывая отцовские деньги, детки богатых родителей, фланируют по мостовым в поисках «клиентов» проститутки, да повсюду шныряют мастера «темного бизнеса», которые, едва завидев «фаранга», назойливо суют ему в руки нечто вроде пропуска на просмотр «подпольного», «закрытого» фильма. Какого? О голых женщинах. О голых мужчинах. О голых мужчинах и женщинах вместе. Чем заинтересуется «фаранг».

Официально-то стриптиз, показ порнографических фильмов, проституция в королевстве Таиланд как бы запрещены, преследуются законом. Но стоит лишь появиться на улице ночного города скучающему «фарангу», как к нему стайей кидаются представители различных «фирм», дабы за «умеренную» плату препроводить в один из притонов, где можно, посмотрев фильм, «хорошо провести и всю ночь». С выводом американских войск потребителей таких «товаров» стало значительно меньше. Дела местных комиссионеров пошатнулись, многим грозит банкротство. А ведь еще несколько лет назад подобными заведениями славилась улица Петбури-экстеншн, китайский квартал столицы, район, при-

легающий к бангкокскому порту и несколько более мелких улочек, где устраивались дикие оргии.

Кто же там «веселился»? «Фаранги», а еще точнее — американцы, табунами наводившие некогда тихую благостную древнюю страну, которая до того, как янки затеяли войну против мирных людей Вьетнама, столетиями не знала колонизации и колонизаторов. Только по официальным данным, в разгар агрессии в Таиланде находилось около пятидесяти тысяч солдат и офицеров Пентагона.

Все для воинов Соединенных Штатов Америки, все для этих бравых отпускников, «поработавших» на вьетнамской земле и во вьетнамском небе! Тысячи ночных клубов и баров были понастроены по всему королевству. Особенно густо расселились они там, где были расположены американские военные базы, и, конечно, в самой столице. Если взяться перечислять названия всех этих заведений одного только «города ангелов», то список их занял бы не один десяток страниц.

Кто только не грел руки на «темном бизнесе»! Даже буддийские монастыри... Святые пастыри сдавали монастырские земли в аренду под строительство... чего бы вы думали? Все тех же ночных клубов и баров! Как-то во время одной из инспекционных поездок генеральный директор управления по делам религий, его преосвященство полковник Пин Мутукан остановился переночевать в монастыре, славившемся особым благочестием братии. Каково же было удивление высокого проверяющего лица, когда среди ночи он был разбужен воплями пьяных солдат, хохотом и визгом не менее пьяных девиц, доносившимися до его опочивальни из расположенного на монастырской земле ночного клуба.

Гневу его преосвященства не было предела. Наутро полковник собрал братию и заявил: «Это позор! Позор строить бары и ночные клубы на территориях, принад-

лежащих монастырям». Ну а как быть с увеселительными заведениями подобного типа на других землях, не монастырских? На тех-то? Пожалуйста! Стройте, мол, на здоровье!

Таиландская пресса время от времени возвращается к весьма острому для страны вопросу о так называемых «америанах». Кто же они, эти загадочные «америанцы»? Это дети, рожденные тайландскими женщинами от американских военнослужащих. Они, как правило, бездомны и беспризорны. Их отцы, закончив отпуск, вновь отправлялись во Вьетнам продолжать грязную войну — ищи-свищи таких папаш. Что же касается матерей «америанцев», то в девяноста девяти случаях из ста это «бар герлс» — те самые в юбочках мини и при померках на груди, у которых нет ни денег, ни времени, ни желания воспитывать своих детей. Да и сами дети вряд ли пришли бы в восторг, узнав, что их американские папашы состоят членами клуба «Корпорация убийц». Он, как известно, объединял пилотов бомбардировочной авиации, совершивших более восьмисот вылетов. Почти все они награждены медалью «Пурпурное сердце», для получения которой требовалось уничтожить не менее четырехсот человек и предоставить соответствующие фотоснимки «подвигов». Солдатам наземных частей достаточно было убить двести человек. За это их награждали медалью «Бронзовая звезда». Медаль «За заслуги» выдавалась за сто убитых вьетнамцев, а нагрудный знак отличия — за пятьдесят.

«Америанцы» в Таиланде свыше двух тысяч. Их судьбами занимается специальная комиссия, которая, констатировав, что положение весьма серьезно, обратилась за помощью к филладельфийской организации «Фонд Пэл Бак». Фонд имеет достаточный опыт в делах подобного рода и уже давно оказывает «помощь» «америанцам» в Южной Корее, на японском острове

Окинава, в ряде других стран Юго-Восточной Азии, где «потрудились» бравые солдаты Пентагона.

Многие общественные организации Таиланда, взволнованные создавшимся положением, пытались как-то разрешить эту острую проблему. Даже правительство наобразовывало массу различных комиссий и подкомиссий на местах, то есть в районах расположения американских баз. Выдумывалось и предлагалось множество проектов и предложений. Но тщетно. Главную-то причину зла эти комиссии устранить были не в состоянии. Только ликвидация американских баз в Таиланде и вывод войск США из страны указали решение этой проблемы, остановили, казалось бы, нескончаемый конвейер «америазнатов» — несчастных детей без отцов и матерей.

Общественность Таиланда, однако, продолжает волноваться. И не без основания. В стране официально зарегистрировано 150 тысяч проституток и функционирует две с половиной тысячи публичных домов. Ядовитыми плодами «американского образа жизни» отравлена молодежь. Порнографическая литература — основной товар книжных лавок и магазинов, американские телепередачи во многом способствуют тому, что молодые люди и молодые девушки превращаются в хулиганье или воре, в грабителей и шлюх. Правительство Таиланда создает вокруг проблемы молодежи искусственную шумиху, делает вид, что принимает какие-то меры. Но сами тайцы с иронией говорят, что власти в своих действиях похожи на «воробья, украшенного павлиньими перьями».

Вот они, «помощь» и влияние Соединенных Штатов! Таиланд до сих пор расплачивается за эту «помощь». И, как видим, не только деньгами. Речь идет о нечто большем — об ущемлении независимости, национальной гордости...

На тигров с фонарями

Поездка эта была организована частным туристским агентством «Роял тур». Программа двухдневной экскурсии в Национальный заповедник Као Яй попала мне в руки по чистой случайности, однако сразу привлекла внимание загадочной последней фразой: «Те, у кого крепкие нервы, имеют редкий шанс поохотиться на тигров».

Владелец «Роял тур» предлагал совершить увлекательное путешествие в охлажденном кондиционером автобусе, осмотреть одно из «самых живописных» мест Таиланда, поглядеть на летний дворец королей, расположенный где-то на четверти пути от Бангкока до самого Као Яй, в местечке Банг Па Ин. Он очень старался, этот владелец агентства, расхваливая предлагаемый сервис. Но мы, естественно, клюнули не на сервис, а на тигров.

Автобус, как нам и обещал «Роял тур», был современный, комфортабельный: просторный салон, мягкие широкие вертящиеся кресла. Огромные стекла, покрытые специальной зеленоватой пленкой, позволяли пассажирам не жмурясь, спокойно поглядывать в окна. В заднем отсеке находилась даже «комнатушка», отсутствие которой обычно заменяют регулярные остановки, дабы туристы под различными предлогами вроде «пособирать тропические фрукты», «полюбоваться зарослями бамбука», просто «поразмяться» могли разбрестись по джунглям...

Нас с Виктором несколько удивило то обстоятельство, что автобус вобрал в себя интернациональную семью «фарангов». Тайцев среди пассажиров не было. Очевидно, охота па тигров их не привлекала. Они либо не находили экзотики в отлове обыкновенных представителей тайландской фауны, или же, что наиболее вероятно, не посчитали разумным вкладывать деньги, и немалые, в довольно-таки сомнительное предприятие. Вокруг нас сидели тихие, но говорливые японцы, шумные американцы и канадцы, молчаливые и чопорные англичане, веселые французы, задумчивые представители еще каких-то национальностей.

В окружении вот такой разношерстной компании неслись мы на северо-восток от столицы по широкой ленте асфальта мимо густых пальмовых зарослей, нежно-зеленых рисовых полей, сонных деревушек и мутно-коричневых водоемов, приближаясь к Банг Па Ин, где предстоял осмотр королевской резиденции.

Банг Па Ин лежит всего в шестидесяти километрах от Бангкока и является обязательным местом паломничества почти всех иностранных туристов, которых привозят сюда полюбоваться красотами роскошного летнего дворца тайландских королей.

Дворец и в самом деле великолепен. Во внутренние помещения нас, разумеется, не пустили (дворец-то функционирующий), так что пришлось довольствоваться лишь созерцанием этого старинного архитектурного ансамбля снаружи.

Мы стояли перед центральным входом в резиденцию, у той самой лестницы, к которой в один из дней начала последнего десятилетия прошлого века подкатила запряженная тройкой лошадей карета с наследником русского престола, будущим царем Николаем Вторым. Посещение Сиамы, как известно, входило в программу его кругосветного вояжа, который завершился довольно-таки печально для Николая в Японии, где наследни-

ка огрели по голове священным мечом, правда, плашмя, что его и спасло. Именно в этом летнем дворце Банг Па Ин король Сиам Чулалонгкорн в знак дружбы, сложившейся между Сиамом и Россией, одарил русского наследника множеством подарков. Среди них фотографии короля и королевы в массивных серебряных рамках, пара огромных слоновьих бивней, сиамский меч в золотых ножнах, лаосская сабля из провинции Чиангмай, малайский крисс из Паттани, металлические подсвечники в форме загадочных птиц, несколько фарфоровых юбилейных медалей, две цветочные вазы, покрытые эмалью, чайный китайский сервиз, различные фотографии с видами Сиам и многое другое.

История русско-сиамских отношений корнями своими уходит далеко в прошлое. Непосредственные же регулярные контакты между двумя странами установились только во второй половине девятнадцатого века. В лице России Сиам видел единственную державу, не имевшую колониальных интересов в Юго-Восточной Азии, и стремился опереться на ее дипломатическую поддержку в борьбе против колониального наступления Англии и Франции. Еще в 1867 году король Монгкут сформулировал внешнеполитическую программу Сиам следующим образом: «Что может предпринять небольшое государство, подобное нашему, — писал он, — когда его с двух сторон или трех сторон окружают могущественные страны? Предположим, что мы откроем у себя золотую жилу, которая даст нам много золота, и последнего будет достаточно для покупки сотни военных кораблей; но даже с золотом мы не сможем бороться против могущественных держав, поскольку нам придется покупать у них эти самые военные корабли и снаряжение... Державы могут в любой момент приостановить продажу, как только поймут, что мы вооружаемся против них. Единственное оружие, которое мы имеем и

сможем употребить в будущем, — это наши уста и наши сердца... только они смогут защитить нас».

В Сиам в разное время заходили с дружескими визитами русские военные корабли «Гайдамак», «Новик», корвет «Аскольд», крейсера «Гиляк», «Разбойник». В 1875 году в Бангкок прибыл русский путешественник Миклухо-Маклай. Композитор П. А. Щуровский написал даже музыку для национального гимна Сиам, за что, как утверждают, был одарен королем Чулалонгкорном серебряной табакеркой. По велению русского царя «Анны» вешались на шею многим сиамским государственным деятелям, а указами короля Сиам мундиры российской знати украшались орденами «Белого слона» всевозможных степеней и оттенков.

Сиам, остававшийся единственным независимым государством Юго-Восточной Азии, делал ставку на Россию — одну из великих держав, которая не стремилась к прямым колониальным захватам в этом районе и дипломатическая поддержка которой нередко ограждала Сиам от всяческих посягательств со стороны Франции, Англии и других капиталистических стран.

Путешествие, прерванное беглым, к сожалению, осмотром королевской резиденции в Банг Па Ин, продолжалось. А ведь наверняка о дворце нам могли порассказать немало интересных вещей. Здесь, без сомнения, бывала небезызвестная англичанка Анна Леоновна, которую король Монгкут пригласил из Сингапура для обучения английскому языку своих 82 сыновей и дочерей от 35 жен. Когда Анна вернулась из Бангкока в Англию, она написала книги «Британская воспитательница при сиамском дворе» и «Романтика гарема». Эти два произведения легли позднее в основу бестселлера Маргариты Ландон «Анна и король Сиам», по которому снят фильм «Король и я», запрещенный в Таиланде, поскольку в нем, мол, в «искаженном свете»

показана мораль, царившая в те времена в королевстве.

По просьбе женщин водитель автобуса притормозил возле провинциального рынка. Рынок в Таиланде — это, как правило, сравнительно обширный участок земли под навесом, разделенный как бы на пять секций. В одной продают «фрукты моря», в другой — мясо, в третьей — овощи, в четвертой — цветы, а в последней, куда все и направились, горами лежали фрукты.

Чего только здесь не было! Услышав знакомый крик «Малако, покупайте малако», я вспомнил забавный эпизод, который произошел незадолго до этого с приехавшей в Бангкок семьей одного нашего специалиста. Как-то утром под окном той виллы, где он с женой и сыном поселился, раздались выкрики «малако, малако»! Мамаша, сунув сыночку бидон и несколько бат, послала мальчика на улицу. Тот вскоре возвратился, но без молока. Зато в руках он тащил продолговатый зеленый плод папайи, которая по-тайски называется «малако».

После нашего похода на рынок автобус наполнился запахами — приятными и необычными, душистыми и резкими. От обилия фруктов стало вроде даже тесновато. Пассажиры купили для пробы дурриан — зеленые, величиной с футбольный мяч плоды, покрытые шипами, манго, рамбутан, мангустин, летчи, сакодиллу, лам яй, арбузы и бананы. Последние приходилось выбирать по двум признакам: по цвету и размеру, поскольку в Таиланде их выращивают более 25 различных сортов.

Очередной «привал» состоялся на таиландо-датской молочной ферме. Управляющий этим предприятием рассказал нам, как водится, о процессе производства молока. Все здесь было автоматизировано и механизировано. Машины для дойки коров, консервации и упаков-

ки молока в полиэтиленовые пакеты — импортные. Под конец всех нас угостили парным молоком, стоимость которого, конечно же, была заранее включена предусмотрительным и бережливым владельцем «Роял тур» в сумму, выплаченную каждым из пассажиров автобуса за поездку.

Конечный пункт путешествия — Национальный заповедник Као Яй, где нас, если верить программе, ожидал сюрприз — ночная охота на тигров. Миновав ворота заповедника, автобус по серпентине взбирается вверх. Проезжаем многочисленные статуи Будды, расставленные прямо у дороги, смотровую площадку, откуда открывается сказочный вид на джунгли, среди которых то тут, то там виднеются маленькие деревушки.

Вечерело... Расселили нас по двухкомнатным бунгало, предупредив, что через час на центральной площадке перед управлением заповедника состоится интернациональный товарищеский ужин. Соседнюю комнату в бунгало заняла пара молчаливых бразильцев, которые, узнав, что мы русские, казалось, вконец проглотили языки.

Ужинали на лужайке вокруг костра по типу «шведского стола». Каждый набирал себе в тарелку приглянувшийся ему харч, расставленный в больших блюдах немного в стороне от костра, и располагался на матах, по всей видимости гимнастических, которые были разложены полукругом у здоровенной охапки горящих поленьев. Официанты — тайки и тайцы — в национальных костюмах обносили туристов традиционным местным виски «Меконг».

Недалеко от костра мы с Виктором заметили микрофон.

— Концерт, наверное, задумали, — сказал Виктор, имея в виду, конечно, тайцев.

Верно, через несколько минут кто-то подошел к микрофону и объявил, что начинается концерт, после которого желающих приглашают принять участие в ночной охоте на тигров.

— Концерт будет состоять из двух отделений, — продолжал голос в репродукторе. — Итак, отделение первое.

Около часа у костра выступали тайские девушки и юноши. Они пели народные песни, разыгрывали сценки из «Рамакиан», читали стихи, танцевали «рамвонг» — медленный «ча-ча-ча» под звуки чингов и кастаньет, исполняли «фаун леп» — «танец бронзовых ногтей».

Затем радиоголос объявил перерыв, сказав, что второе отделение концерта будет дано исключительно силами «наших гостей». Туристы, столь безмятежно попивавшие «Меконг», стали озабоченно переглядываться. Некоторые поспешно ретировались. Среди спасавшихся бегством мы заметили и молчаливых бразильцев.

«Что же, споем какую-нибудь песню, — решили мы с Виктором, — не танцевать же».

Идея наша оказалась далеко не оригинальной. Все «фараанги», подходившие к микрофону для исполнения очередного номера, принимались петь. Пели дуэтом, хором и в одиночку. На лужайке перед управлением тайландского Национального заповедника Као Яй звучали мелодии Японии и Шотландии, Америки и Франции, Италии и Индонезии...

— А теперь попросим наших гостей из Советского Союза, — прозвучало в репродукторе, от чего мы невольно вздрогнули, несмотря на то, что все время ждали этого.

Раздались дружные аплодисменты, и мы, твердо решив исполнить в меру своих возможностей «Подмосковные вечера», двинулись «на сцену».

Представ перед замершей в ожидании аудиторией, я отчетливо понял, что смогу более или менее правильно пропеть только первый куплет известной всему миру песни. Остальные мгновенно забылись, хотя только что, буквально минуту назад, я напевал их про себя.

— Виктор, — шепнул я, — кошмар, но все слова выскочили у меня из головы.

— У меня тоже, — чуть слышно отозвался Виктор. — Но ничего, исполняем лишь первый куплет и повторяем его несколько раз. Идет?

Так мы и сделали. Зрители не заметили накладки. Они громко хлопали и кричали что-то вроде «молодцы!». А потом из хаоса голосов родилась сначала нестройная, затем более уверенная, набравшая полную силу мелодия «Подмосковных вечеров». Одни пели ее по-английски, другие, не зная слов, просто «мычали», не разжимая губ. И тут свершилось нечто странное, но вполне естественное. Мы с Виктором внезапно вспомнили не только «Подмосковные вечера», но и много других хороших советских песен.

Зрители отпустили нас только тогда, когда мы исполнили «Катюшу», «Летите, голуби», «Я люблю тебя, жизнь»...

Второе отделение интернационального концерта длилось в общей сложности более двух часов.

Настало время «охоты на тигров», мероприятия, которым завершалась программа пребывания в Као Яй. Завтра утром — в обратный путь. Всем, кто пожелал участвовать в этой необычной охоте, выдали карманные фонарики. Затем к управлению подогнали открытый грузовик, на кузов которого шапкой был надет каркас из толстых металлических прутьев. Мы расселись под этим своеобразным кошаком.

— Мера предосторожности, — объяснил таец, сопровождавший туристов. — Тигры как-никак!

Ехали минут пятнадцать по ухабистой лесной дороге. Яркие фары грузовика вырвали из темноты поляну, показавшуюся как бы островком среди обступивших плотной стеной диких зарослей невероятных тропических растений.

Все молчали. Не каждый же день выпадает возможность поохотиться на тигров, да еще с карманными фонарями. Машина остановилась посередине поляны. Погасли фары. Постепенно глаза привыкли к окружающей нас темноте. Казалось, что по чаще кто-то ходит, раздавались хохочущие крики обезьян, где-то ухало, гоготало. Повсюду стали мерещиться тигры. Десятки, сотни...

— Светите фонарями вон туда, — тихо подал голос сопровождающий, указав рукой в сторону. — Тигры там.

Множество ярких игл одновременно пронзили темноту. В чаще действительно что-то заблестело, замелькали желтые точки. Они, как нам казалось, передвигались, то вдруг приближаясь, то удаляясь, то исчезая вовсе, то вновь загораясь.

— Это тигры, видите? — сказал таец.

Тигров мы, конечно, не видели. Были лишь одни желтые мерцания. И все же все мы утвердительно заговорщически ответили: «Видим».

— Гасите фонари! — подал команду сопровождающий. — Едем, пока не поздно.

Призыв тайца был исполнен туристами мгновенно. Грузовик тронулся. Мы покидали лужайку с твердой уверенностью, что повидали живых, так сказать, натуральных тигров. Теперь есть что порассказать знакомым. Ночная охота состоялась.

Обратно в Бангкок мы добрались без особых приключений. Правда, сервис «Роял тур» поскуднел и несколько ослаб. Вместо горячего завтрака и ленча, ко-

торыми нас потчевали по дороге в национальный заповедник, теперь мы почему-то получили сухие пайки. Испробовать молока на тайлано-датской молочной ферме также не удалось. Автобус проскочил мимо нее без остановки.

Третий цикл

Страна готовилась к празднику. Приближался день рождения королевы Сирикит, которой исполнялась «круглая дата».

На монетном дворе спешно изготавливали последнюю партию юбилейных монет и медалей, выпускали памятные почтовые марки, во всех крупных городах Таиланда печатали открытки и фотографии. Улицы Бангкока украшались гирляндами разноцветных лампочек, на домах появлялись приветственные, соответствующие событию лозунги и портреты королевы. Однако что это? На некоторых портретах королева изображена в форме генерал-майора. Явная ошибка! Кто-то поторопился. Звание генерала, о чем было объявлено заранее, королева должна получить только через неделю — в день своего рождения, а именно по завершении третьего двенадцатилетнего цикла жизни.

Подготовка к празднованию включала также постановку в Национальном театре классической танцевальной драмы «Нанг Суанг», повествующей о жизненных перипетиях первой королевы Сиама.

...В спектакле занято не менее двухсот артистов. Все они выпускники Чулалонгкорнского университета. В основу спектакля положена следующая история.

Нанг Суанг была женой Индратита, правителя Сукотая в тринадцатом веке. Это он, по сведениям тайландских историков, отбил город Сукотай у кхмеров. Победой Индратита над начальником кхмерского гарнизона в битве на слонах ознаменовалось начало продвижения тайцев в долину реки Чао-Прайи. Второй сын Индратита и королевы Нанг Суанг, сменивший отца на королевском троне, распространил свое правление до Пегу на западе, Вьентьяна на востоке и до Малаккского полуострова на юге. Он расширил королевство почти до тех размеров, каким ныне является Таиланд.

Танцевальная драма «Нанг Суанг» рассказывает о том, каким образом и что привело королевство к такому триумфу. Главными действующими лицами представления выступают Бангклангтао (будущий король Индратит), его супруга Нанг Суанг, губернатор Рада и брат Нанг Суанг Памуанг, жена Памуанга Сикара Деви, кхмерский вице-король Сукотая Клон Лампонг.

Лампонг — деспот. По мере того как все большее и большее число тайцев доходило до Сукотая с севера, он становился все более надменным и требовательным. В конце концов терпение тайцев лопнуло, когда вице-король потребовал с них налог, с тем чтобы построить каменный храм в Сукотаяе. Воспользовавшись этим, Нанг Суанг послала группу строителей на работы в храм. В отряде была ее доверенное лицо Нанг Кам. Цель Нанг Суанг заключалась в том, чтобы выяснить истинное настроение тайцев, проживавших в Сукотаяе. Однако Нанг Кам опознал вице-король, арестовал и отдал на потеху солдатам.

Вскоре сами Бангклангтао и Нанг Суанг прибыли в Сукотай поглядеть, как их люди трудятся на строи-

тельстве храма. Они увидели, что с рабочими обращаются словно со скотом, их за малейшую провинность солдаты избивают плетью.

Тем временем Нанг Кам, оборванная и несчастная, отыскала Нанг Суанг, рассказала о настроениях тайцев в Сукотае, о том, что они готовы к борьбе. После чего, не вынеся позора, наложила на себя руки. Для тайцев ее смерть явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения. Они настояли, чтобы Бангквангтао повел их с оружием на кхмеров...

Битва за Сукотай была кровопролитной. Бангквангтао самолично убил вице-короля и взшел на престол, взяв имя Сери Индратит...

Танцевальная драма, которая была поставлена в Национальном театре, по всей очевидности, не претендует на историческую достоверность. В ней, безусловно, больше вымысла, чем правды. Но именно постановку «Нанг Суанг», пьесы о первой сямской королеве, выбрали устроители празднования, подчеркивая тем самым исключительную торжественность и важность события, отмечаемого по всей стране, — завершения третьего цикла жизни королевы Сирихинт.

«Нанг Суанг» построена в жанре «лакон» — драмы без масок. В отличие от «кон», где заняты в основном актеры-мужчины, часто выделяющиеся поистине акробатические номера на уровне спортсмена разрядника, в «лаконе» много женщин, отчего танцы выглядят более пластичными, грациозными и замедленными.

Если сюжеты для «кон» черпаются за редким исключением из «Рамакиан», то «лакон» в этом плане несравнимо разнообразней. Помимо «Рамакиан», разыгрываются сцены из других классических произведений, таких, как «Инао», «Унарут» и так далее.

Известно, что классические тайские танцы заимствованы в определенной степени у древних бенгальцев и

мадрасцев, которые, в свою очередь, переняли их у кхмеров. Кхмеры на каком-то историческом этапе танцы эти позабыли и вновь переняли их у тайцев только в XIX веке, пригласив к себе учителей из Сиамы. О красоте этих танцев можно судить по словам французского скульптора Родена, который однажды, став свидетелем камбоджийского танцевального представления, воскликнул: «Они нашли позы, о которых я даже не мечтал, движения, которые нам не были известны даже в древние времена».

Спектакли «кон» от начала до конца построены на прыжках, кувырках, скачках храбрых героев, ловких обезьян, «неповоротливых» демонов. Чем живописнее наряды танцоров, тем лучше считается представление, чем больше в нем занято действующих лиц, тем оно привлекательнее для тайландского зрителя. Костюмы актеров неизменны вот уже долгие столетия. Что касается украшений, которыми в изобилии увешаны артисты, то здесь произошли довольно-таки существенные превращения. Золото и серебро стали железом и медью, а драгоценные камни — обыкновенными стекляшками.

Происхождение названия «кон» вот уже не один десяток лет вызывает у тайландских ученых мужей жгучую потребность поделиться своими соображениями, возникающими в результате детального изучения вопроса. Не исключено, что по ходу проникновения в глубь проблемы на свет появились не один и не два десятка кандидатов наук. Однако если суммировать проделанную учеными работу в данной области, то обнаруживается удивительный вывод. Слово «кон» вполне может быть заимствовано минимум из трех восточных языков. По бенгали оно при известном воображении означает двусторонний кожаный барабан наподобие тайландского тапона, издающий громкие, тревожные звуки. В языке тамилы им выражают различие муж-

ского и женского пола по одежде. Персы употребляют слово «кон», когда имеют в виду озвучивание кукольного спектакля.

Как правило, танцоров для представления «кон» начинают готовить с самого детства, с восьми-девятилетнего возраста. Каждый ученик специализируется на одном из трех видов танца: танец людей, танец обезьян, танец демонов.

Примечательны и маски — необходимые атрибуты спектакля «кон». Различаются 30 масок для обезьян и свыше ста для демонов.

Сейчас в Таиланде осталось всего две или три известные труппы «кон». Одна из них создана при Таммасатском университете, и руководит ею Кыкрит Прамот. Да, именно бывший премьер-министр Кыкрит Прамот — младший брат Сени Прамота, писатель и журналист, оратор и банкир, бывший голливудский актер и эксперт по вопросам национальной культуры.

Источник жизни

Для простого тайца рис означает нечто большее, чем для русского хлеб, для итальянца макароны, для скандинава картофель. Это и понятно: рис — основа жизни, главная культура, возделываемая в стране, наипервейшая статья тайландского экспорта, продукт, который в большинстве случаев служит не гарниром к какому-либо блюду, а, напротив, самим блюдом, требующим приправы.

Говорят, что первое упоминание о рисе в Таиланде относится ко II—I векам до нашей эры. Много воды утекло с тех пор, не счесть, сколько собрано урожаев. Неудивительно, что рис породил немало интересных обычаев и таинственных обрядов.

...Во главе торжественной процессии из десяти человек — нарядная крестьянка. Она раскрывает белый зонтик, поднимает его над головой, извещая тем самым о начале праздника. Сегодня люди отдают дань рису. Женщина бережно держит, прижав к груди, белый сверток, точь-в-точь спеленатого ребенка. От зонтика на него падает тень. Женщина покидает рисовое поле и направляется, увлекая за собой сопровождающих, к расположенной недалеко постройке. Заметив приближающуюся процессию, жители деревни выбегают ей навстречу и, выкрикивая приветственные слова, проводят женщину в дом, где она осторожно кладет сверток на заранее приготовленную постель: матрац и подушку. Настает время, когда «младенца» надо распеленать. Вуэтри свертка по обычаю надеются семь колосков риса, окропленные маслом. Колоски надушены и связаны цветной ниткой. Это только что появившееся на свет «рисовое дитя»...

Считается, что рис, подобно живому существу, проходит полный жизненный цикл. А для сохранения его души, сбережения его жизни, обеспечения хороших всходов необходимо, по старинному поверью, сохранить несколько колосков от предыдущего урожая и, поддерживая их длительное время в специальном мешке, начинать очередной сев высадкой именно этой «рассады». А в специальном мешке не кто иной, как «рисовая мама» — обвязанный веревкой небольшой сноп колосьев, неизвестно когда и откуда взявшийся. «Маму» хранят бережно, отдают ей соответствующие почести.

Так поступают крестьяне четырех южных про-

инций Таиланда, населенных в основном мусульманами.

Тайцы же вымалывают обильный урожай риса несколько иначе.

По традиции, когда выпадают первые капли дождя, возвещающие о начале влажного сезона, они совершают обрядные танцы с неизменным участием в них бога дождя Пра Пируна. Проблема орошения остро встает перед жителями таиландской деревни. В тех районах, где ирригационная система развита плохо или не развита вообще, а таких большинство, где крестьяне постоянно сталкиваются с трудностями из-за недостатка воды, до сего времени сохранился обычай под названием «танец дождя».

На картинках бог дождя Пра Пирун изображается обычно стоящим на огромной змее Пья Нак, из пасти которой льется вода, орошая потрескавшуюся от солнца землю. Для этой танцевальной церемонии необходим также сиамский кот. Его сажают в плетеную железную корзину, которой тайцы обычно ловят крабов. Впереди процессии шествуют барабанщики. За ними несколько самых уважаемых людей деревни: они несут в корзине кота. Следом идет крестьянин с бочонком воды. Раздается барабанная дробь, кот в испуге мечется по клетке и, отчаянно мяукая, пытается увернуться от струи, выливаемой на него из бочонка. При этом крестьяне танцуют и поют песни, вызывая дождь. Будет достаточное количество осадков — они соберут хороший урожай риса.

И все же вопреки всем обычаям и церемониям, которых свято придерживаются таиландские крестьяне, страна занимает по урожайности одно из последних мест среди государств, экспортирующих рис. В то же время Таиланд стоит на шестом месте среди поставщиков этой сельскохозяйственной культуры.

Долгий период страна ежегодно вывозила более полутора миллионов тонн риса. Однако в последние годы Таиланд столкнулся с довольно-таки ощутимым кризисом. Экспорт риса сократился вдвое. Одной из причин этого стала американская программа «продовольствие ради мира» (прямые поставки сельхозпродуктов в развивающиеся страны), в связи с чем Таиланд потерял часть своих традиционных партнеров — покупателей риса: Гонконг, Индонезию, Южную Корею. В соответствии с так называемым «законом 480», законом о помощи и развитии торговли сельскохозяйственными товарами, Соединенные Штаты фактически захватили многие рынки сбыта своего «союзника», выбрасывая излишки риса по демпинговым ценам.

В сельском хозяйстве Таиланда занято около семидесяти пяти процентов населения. Крестьяне все больше и больше нищают, хотя тропический климат обеспечивает возможность снимать по несколько урожаев в год.

После отмены крепостного права в Таиланде — это произошло в конце прошлого века — аграрная реформа так и не была осуществлена. В руках помещиков сосредоточено три пятых плодородных земельных угодий. Незначительная часть крестьян довольствуется лишь очень маленьким участком. А большинство вообще не имеют земли и вынуждены арендовать ее у помещиков на грабительских условиях.

Самым крупным помещиком в Таиланде был, говорят, скончавшийся в 1963 году премьер-министр Сарит Танарат. Используя высокий пост, который он занимал в течение семи лет, премьер «скопил» более десяти миллионов долларов и присвоил несколько тысяч гектаров плодороднейших земель. До сих пор 150 бывших жен Сарита Танарата ведут борьбу за его наследство, до сих пор на регулярно проводимых аукционах распродаются его личные вещи.

Однажды недалеко от города Лэй, что на крайнем севере, мы остановились возле деревушки из нескольких домов, точнее низких, в половину человеческого роста, лачуг, сплетенных из соломы. Перед одной из них в задумчивости сидел старец, лицо которого было изъедено глубокими морщинами. Рядом, на земле, копошились голые малыши. Завидев у нас в руках фотоаппараты, старик довольно резво, что никак не вязалось с его почтенным возрастом, сорвался с места и скрылся в лачуге. «Испугался чего-то, — мелькнула мысль. — Видно, боится «фарангов». Однако мы ошиблись. Буквально через минуту-другую старик предстал перед объективами в повой ярко-синей рубашке.

— Теперь можно, — приосанившись, сказал он.

Мы сделали несколько снимков, а старик и ребята с удовольствием, как нам показалось, позировали.

— Одиннадцать бат, — произнес он, когда стало ясно, что съемки завершены.

— Что-что? — не поняли мы.

— Одиннадцать бат, говорю, с вас. За вот это. — Он поднес руки к лицу и несколько раз нажал указательным пальцем на воображаемый спусковой механизм фотоаппарата. — Пять бат за меня и по одному за них, — он кивнул в сторону шестерых ребятшек. — Итого одиннадцать.

Старик оказался словоохотлив.

Земли у него не было. Он арендовал ее у богатого помещика, который жил в городе Лэй. Здесь, в деревушке, помещик никогда и не бывал. Семьдесят процентов урожая старик вынужден отдавать за пользование землей.

— А ведь у нас есть закон, давно уже принятый, лет двадцать назад, если не больше, по которому арендная плата не должна превышать одной четвертой. А что толку? У помещика и земля, и деньги, и власть.

Вот он и зверствует. Условия свои диктует. А у нас что? Ничего. — Старик кивнул на лачугу.

Того, что остается у него после расплаты с помещиком за землю, с трудом хватает, чтобы прокормить семью.

— А семья немалая, девять душ. Дочка с зятем там, в поле. Да и не поле это совсем, а так, маленький клочок земли. А я вот сторожу здесь сорванцов. — Старик погладил одного из внуков по коротко остриженным волосам.

В Таиланде много говорят о «зеленой революции». Построенный за счет Рокфеллера и Форда научно-исследовательский институт на Филиппинах вывел новые высокоурожайные сорта риса для стран Юго-Восточной Азии, их внедрение, сулившее поднять урожайность вдвое и даже втрое, могло бы содействовать решению продовольственной проблемы в регионе. Но каким образом, как практически произвести «революцию» в таиландской деревне, если крестьянин настолько беден, настолько нищ, что не может позволить себе приобрести удобрения, необходимые для того, чтобы новые сорта риса давали высокие урожаи? У крестьянина нет ирригационных сооружений, он надеется только на дожди. У него нет денег, чтобы купить современные орудия сельскохозяйственного производства. Мотыгу и серп, которыми он пользуется во всех случаях, можно без всякой натяжки выставить в музее в качестве экспонатов времен средневековья.

В свете всех этих фактов становится понятно, почему в Таиланде так свято хранят и соблюдают обычаи и традиции, связанные с началом и завершением сельскохозяйственного года. Больше крестьянам надеяться не на что.

Как-то мы стали свидетелями праздника качелей, праздника окончания полевых работ. К высоченной перекладине привязывают качели, а перед ними поме-

щают столб, на вершине которого прикрепляется корзина, наполненная рисом и медными монетками. Рис, перемешанный с монетками, символизирует достаток. Крестьяне, одетые в костюмы «покровителя бога дождя», раскачиваясь на качелях, пытаются схватить корзину. В случае удачи следующий год должен быть урожайным.

Как видим, «источник жизни» тайландского крестьянина почти полностью зависит от счастливого случая.

Факты, факты,
факты...

Чтение тайландских газет и журналов, начало чему, как вы помните, было положено мной на борту самолета бирманской авиакомпании UBA, я изо дня в день продолжал на протяжении всего пребывания в Бангкоке. Пресса, если ее внимательно просматривать, содержит массу любопытных вещей, которые дают пищу для размышлений над многими событиями, происходящими в стране. Некоторые сообщения воспринимались просто как голые факты, другие же при их тщательном изучении и сопоставлении давали картину характерных черт тайландского общества, той морали, которая господствовала в определенных кругах королевства.

Итак, выдержки из местной прессы*.

* До октября 1973 года.

...В один прекрасный день полицией по обвинению в якобы «несправедливых нападениях» в печати на тогдашнего министра иностранных дел Тана Таана Комана арестованы три известных тайландских журналиста: редактор газеты «Сиам рат» Буньярит, издатель и редактор газеты «Таи рат» Вачарапон и обозреватель той же газеты Мифэнгсай. В знак протеста четыре ассоциации журналистов Таиланда приняли на специальном экстренном заседании решение не упоминать на страницах имени Комана и не помещать его фотографий до тех пор, пока министр иностранных дел не уйдет в отставку или не будут освобождены арестованные журналисты. Проявив недовольство Команом, который возбудил уголовное дело против журналистов, несколько депутатов парламента публично обрили головы.

Этот далеко не единичный случай ареста работников печати красноречиво свидетельствует о подлинном характере тех «демократических свобод», которые были дарованы народу Таиланда конституцией.

...Правительство Танома Киттикачона приняло решение о расширении территории военной базы Утапао. В результате сотням крестьянских семей предложено покинуть прилегающие к базе земли в провинциях Чонбури и Ранонг.

Куда же им переселяться? Этот вопрос интересует власти меньше всего.

...По распоряжению министра внутренних дел Прапата Чарусатиена департамент полиции отложил до конца сессии парламента арест двух депутатов палаты представителей, обвиненных в том, что они на митингах выступали против проводимого правительством курса.

Довольно гуманный жест — позволить этим депутатам еще месяца два пожить на свободе, зная, что их ждет тюремная камера.

А вот совсем короткая информация.

Более ста тайландских врачей покинули страну в поисках лучших условий работы и перспектив профессионального развития.

В горных районах Таиланда слонов используют не только в качестве рабочей силы на лесозаготовках, но и как носителей урн для голосования.

Жители деревень северо-востока выращивают марихуану и продают ее американским военнослужащим, базирующимся в этих районах.

Если есть спрос, то почему не быть предложению? На северо-востоке Таиланда могли бы, видимо, изготовлять и наркотик ЛСД — *Lysergic acid dichthylamide* — он у «джи ай» тоже пользуется популярностью.

В последнее время и среди местного населения быстрыми темпами растет наркомания. В Бангкоке, по официальным данным, зарегистрировано более 400 тысяч наркоманов. Местная печать сообщает, что торгующие опиумом контрабандисты из так называемого золотого треугольника (район стыка границ Таиланда, Лаоса и Бирмы) вынуждены теперь обходить традиционные пути перевозки этого наркотика, которые раньше вели в Сайгон. Ныне опиум-сырец и два его производных — героин и морфий провозят через Бангкок, Куала-Лумпур, Сингапур, Гонконг, Австралию для доставки в Соединенные Штаты. Большое количество наркотиков оседает теперь в столице Таиланда, что не может не вызывать беспокойства властей, которые образовали несколько комиссий по борьбе с наркоманией.

...Вездесущие репортеры оповестили жителей столицы: в Бангкок прибыл знаменитый международный предсказатель Сингх. Он принимает в отеле всех желающих узнать свою судьбу. Далее сообщались название отеля и часы приема. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в проницательности и опыте Сингха, газеты рекламируют его следующим образом: он заранее

«предугадал свержение Сукарно» в Индонезии, предсказал, чем кончится карибский кризис, кто станет чемпионом по боксу среди профессионалов, и многое, многое другое.

...В стране двести тысяч безработных*, писали газеты.

Но отчего умалчивается тот факт, что еще свыше двух миллионов тайцев страдают от так называемой скрытой безработицы? Имеются в виду, естественно, сезонные рабочие.

...Свыше двух тысяч солдат проводят «психологическое наступление» на юге Таиланда. Цель кампании — борьба с идеологическим влиянием «террористов», а также восстановление моральных устоев населения южных провинций страны.

...На территории Таиланда проходят 38-е военные игры агрессивного блока СЕАТО под условным названием «Эйр Чандра», состоящие из двух частей. Первая предусматривает развертывание для наступления боевых и транспортных самолетов ВВС Австралии, Англии, США и Таиланда на военную базу «Донмыанг». Вторая включает изучение централизованной системы воздушных полетов с целью выяснить вопрос о максимальной эффективности и потенциальных возможностях военно-воздушных средств союзников по блоку.

...В тот день все тайландские газеты вышли с огромными заголовками «Пожар в «Империале». Отель «Империал» находился в самом центре делового и торгового квартала Бангкока на соре (так тайцы называют переулки) Руам-рудни, отходящей от улицы Сукумвит. У меня сохранился рекламный проспект «Империала» с фотографией этого красавца отеля. Под снимком лаконичная подпись: «Самая современная гостиница Бангкока». Просматривая проспект, узнаешь, что в

* Сейчас в стране 1 миллион безработных.

«Империале» 128 номеров с «эйр кондишн» стоимостью от семи с половиной до двадцати пяти долларов, «ультрасовременное кафе», окна которого выходят на плавательный бассейн, и многое другое, чем можно привлечь туристов. Все это действительно было, но исчезло, покрылось в буквальном смысле слова пеплом за одну ночь.

Среди нагромождения сведений и предположений, напечатанных в газетах в связи с пожаром в отеле «Империал», можно выбрать те, которые дают более или менее ясную картину о том, что же произошло на самом деле и почему не были своевременно приняты меры по ликвидации пожара.

Три часа ночи. В одной из комнат на столе остался невыключенным утюг. Несколько позже пламя уже жадно пожирало портьеры. Огонь заметил служащий отеля и, как предписано инструкцией, сразу же позвонил в пожарную охрану города, после чего оповестил о случившемся владельца «Империала». Между тем в гостинице испортилась электропроводка, замерли лифты с пассажирами. А пожарной команды все нет и нет. Владелец, естественно, в панике. Он набирает по телефону номер городской пожарной охраны. Происходит диалог, за абсолютную точность которого ручаться трудно, но смысл которого не подлежит никакому сомнению.

Пожарник. Дежурный слушает.

Владелец. «Империал», мой «Империал» горит! Отель!

Пожарник. Знаем, что горит. Нам уже звонили.

Владелец. Так почему же до сих пор нет пожарных машин?

Пожарник. Еще не выслали.

Владелец. Но прошло уже более получаса!

Пожарник. Ну и что? Сейчас пошлем. У вас деньги найдутся?

Владелец. Сколько?

Пожарник. Триста тысяч бат! (Пятнадцать тысяч долларов.)

Владелец. При себе есть только шестьдесят тысяч. Остальные потом. Гарантирую! Погасите огонь!

Пожарник. Триста тысяч, и пожарные машины через минуту будут у вас. Все!

Владелец «самой современной гостиницы Бангкока» обзвонил всех своих приятелей и знакомых, но ни у кого на руках такой крупной суммы денег не оказалось.

Отчаявшись, он вновь соединяется с городской пожарной охраной.

Владелец. Только шестьдесят. Утром остальные.

Пожарник. Ну ладно, пошлем машины.

Пожарники приехали, но поздно — через час с лишним. Отель уже догорал. Пока их начальство яростно спорило, соглашаться или не соглашаться заливать пламя за каких-то шестьдесят тысяч бат — не прогадает ли оно? — с туристской карты Бангкока исчез отель «Империал» со 128 кондиционированными номерами, с «ультрасовременным кафе», окна которого выходили на плавательный бассейн.

Гостиницу наверняка со временем восстановят или же построят заново. Найдут или не найдут виновного, оставившего невыключенным утюг, страховая компания выплатит владельцу страховку. А вот тех, кому чистоган оказался дороже человеческих жизней, привлечь к ответу и не подумают.

Да, тайландская пресса давала обильную пищу для размышлений о происходивших в стране событиях.

По клонгам

Каждый впервые прибывший в столицу Таиланда много слышит о красотах «плавучего рынка», базара на лодках и сампанах. Его восточная экзотика расписывается буквально во всех путеводителях по Бангкоку.

В одно из сравнительно нежарких воскресений, в день, когда «плавучий рынок» работает особенно оживленно, когда сотни тайцев на всевозможных лодках и лодчонках с моторчиком, а чаще всего лишь с одним длинным веслом, укрепленным на корме, устремляются по каналам на водный базар, чтобы купить, продать или обменяться товарами, мы решили отправиться в путешествие по клонгам. Наняв у отеля «Ориентал», расположенного на берегу Чао-Прайи, катер и миновав здание Таммасатского университета, королевский дворец, проехав мимо нескольких буддийских храмов и госпиталей, мы минут через сорок свернули в узкий клонг, темный-претемный, поскольку солнце не в состоянии было пробиться через густую крону сросшихся деревьев, образовавших нечто вроде пальмового тоннеля.

Наша прогулка была рассчитана на три-четыре часа, причем, кроме «плавучего рынка», предстояло осмотреть стоянку королевских ладей и посетить храм Арун.

Быстроходный катер резво обгонял лодки измазанных с ног до головы сажей «угольщиков», которые развозили заказчикам дешевый древесный уголь: без него многие семьи в Бангкоке не могут приготовить себе еду.

Попадались лодки «перевозчиков», готовых за незначительную плату переправить желающих с одного берега на другой. За кормой пенилась вода неопределенного темно-бурого цвета, загрязненная арбузными корками, кожурой бананов, пустыми кокосовыми орехами, обломками бамбука, кусками бумаги и картона.

Бангкокские каналы — клонги... Одно дело услышать о царящей на них бедности, нищете, и совсем другое — увидеть собственными глазами прилепившиеся вплотную друг к другу крохотные деревянные домишки со ступеньками, спускающимися к самой воде. Прямо на полу в темных хижинах лежат и сидят взрослые и дети. На мужчинах панунг — кусок материи, обмотанный вокруг бедер, а на женщинах пасин — кусок материи, прикрывающей также и грудь. Черная из клонга грязную воду, обитатели лачуг чистят зубы и умываются. Прямо около уходящих в канал ступеней домов резвятся в воде черные от загара дети. Многие, еще не умея ходить, научились плавать. Непременная принадлежность каждого без исключения домика — маленькая, похожая на детскую игрушку пагода, где согласно поверью живет добрый дух, хранитель благополучия, счастья и достатка семьи. Но если судить по изможденным озабоченным лицам, по грустным глазам тайцев, живущих по берегам клонгов, вряд ли добрый дух приносит благополучие задаром. Чтобы семья жила в достатке, нужны деньги. А если денег нет, так и добрый дух, даже если он и вылезет из кожи вон, не поможет.

Петляя по каналам, над которыми, словно это улицы, на проводах висят лампочки и фонари для вечернего освещения «проезжей части», мы вскоре добрались до «плавающего рынка». Невероятное сочетание ярких красок и разнообразие товаров трудно описать. Просто не хватает слов. Множество лодок и катеров, нагруженных бананами, арбузами, папайей, виноградом, плодами лам-яй и дуриана, рисом, рыбой, кокосами, украше-

ниями для женщины, изделиями из меди, серебра, тика и бамбука, сплошь заполнили клонг. Крики торговцев, шум подвесных моторчиков, плач младенцев — все слилось в общий гул, плотным облаком повисший над базаром. В нос ударил острый запах восточных сладостей, вяленой рыбы и прокисших арбузов. Торговки в тайских соломенных широкополых шляпах, защищающих их от солнечного удара, с деревянными обручами внутри — для того, чтобы шляпа не прилегала вплотную к голове, — наперебой расхваливали и предлагали свой товар. Некоторые протягивали нам целлофановые пакетики с холодной подкрашенной питьевой водой или кофе.

С трудом протискиваясь между «прилавками», наш катер наконец, как бы разорвав невидимые пути, вырвался из толчен «плавучего рынка» и, весело набирая скорость, помчался дальше.

Спустя полчаса мы причалили к пристани, в глубине которой под огромным навесом вытянулись в длинный ряд королевские ладьи.

Дважды в году жители «города ангелов» становятся свидетелями сказочного зрелища, когда по реке плывут эти ладьи. Первый раз во время праздника «Королевская процессия»: на воде появляются около сорока лодок, причем в некоторых располагаются до восьмидесяти гребцов. Команды каждой ладьи одеты в костюмы разного цвета. Особым великолепием отличается сорокапятиметровая лодка короля «Шри Суппаннахонг», нос которой сделан в виде огромного лебедя, а борта покрыты тончайшей резьбой и выкрашены в золотистый цвет. Чуть впереди плывут «полицейские ладьи», а рядом с королевской лодкой — ладьи «Ананта Нагарай» и «Анекчатпучонг», где находятся члены королевской семьи. В одной из этих ладей помещен золотой контейнер с одеждой для монахов, которую король раздает по прибытии в храм.

Второй праздник, во время которого также можно видеть парад королевских ладей, называется «Лой крaтoнг» («Плывущий лотос»). Фестиваль этот отмечается с наступлением двенадцатого полнолуния, когда вода в реках достигает наивысшего уровня и крестьяне готовятся к сбору риса. Люди благодарят Мать вод, «в чьей груди они купаются, плавают и черпают воду для рисовых полей», благодарят ее за щедрость, за хорошие урожаи. Одновременно они просят у нее больших урожаев на будущее. Праздник сопровождается таким обрядом — тайцы мастерят из банановых листьев сосуды-кратонги, украшают их разноцветными лотосами, зажигают прикрепленную внутри кратонгов свечку и пускают такие сооружения по реке. Тем самым они просят Мать вод унести их грехи, неудачи и все плохое, что было и что будет, прочь, в вечность.

Когда сложился этот обряд?

...В тринадцатом веке, во времена правления короля Рьянга Великого в стране жил один брахман, у которого была дочь по имени Нобамас. Ее красоту и мудрость народ воспевал в песнях. Про ее ум и обаяние складывали стихи. Однажды Рьянг Великий услышал от своих придворных музыкантов песню о Нобамас, о том, что она единственная, кто достоин стать женой короля. Рьянг немедленно послал знатных дам к отцу красавицы просить руки его дочери... Вскоре после свадьбы наступил праздник двенадцатого полнолуния. Рьянг Великий пожелал, чтобы его молодая супруга присутствовала на водной процессии. Нобамас, будучи женой короля-буддиста, оставалась верной своей религии — брахманизму, молилась своим богам. По обычаю каждый брахман раз в год должен преподнести духу реки что-то вроде подарка, с тем чтобы взамен получить прощение грехов. Нобамас смастерила великолепный кратонг из листьев подорожника, положив туда горстку сушеного риса, душистого лотоса, благовоющих палочек, ли-

стья бетеля и арековый орех. А в центр своего подарка она поместила свечу. Вечером, когда все было готово к началу праздника и толпы народа замерли в ожидании выхода короля, который должен был в окружении свиты проследовать из дворца на берег реки, где его ожидала ладья, на реке появилось странное сооружение, никогда доселе не виданное, освещенное изнутри бликами горящей свечки. То был кратонг королевы. Все восхитились красотой кратонга, люди передавали его из рук в руки, подолгу рассматривая. Нобамас, когда ее спросили о значении ее сооружения, объяснила, что это ее подарок духу реки.

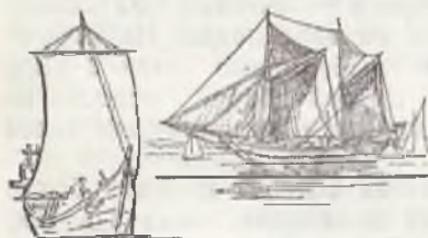
С тех пор, вот уже более семи столетий, народ Таиланда каждый год отмечает праздник, который был назван «Фестиваль плывущего лотоса».

Наша прогулка по клонгам подходила к концу. Осталось осмотреть один из четырехсот храмов тайландской столицы — ват Арун. Храм этот расположен на берегу реки Чао-Праيي в Тойбури, городе, практически ставшем районом Бангкока. В теперешнем виде храм Арун был построен королем Таксином, когда Тойбури после падения Аютти в течение пятнадцати лет был столицей Сиама.

При входе в ват, у ворот, как стражи, стоят два огромных каменных демона. Центральная конусообразная башня храма Арун как бы сложена из террас: чем выше, тем они меньше и постепенно сходят на нет; выточенные из камня демоны и ангелы, геруды и кинарри поддерживают очередную террасу. Внутри храма нам попасть, к сожалению, не удалось. Там шли реставрационные работы. Но мы еще долго стояли перед основной башней, восхищаясь удивительной резьбой по камню, тончайшим восточным орнаментом, покрывавшим стены храма.

Если забраться по узкой лестнице хотя бы до половины семидесятичетырехметровой башни храма, то от-

крывается прекрасный вид на Бангкок. Невдалеке мы видим ват Пра Кео, где находится знаменитая статуя Изумрудного Будды, ват Сакет, королевский дворец, богатство и великолепие которого не нуждаются ни в каких эпитетах, новые кварталы города, современные строения различных компаний, в основном иностранных, отели, особняки зажиточных тайцев. Мы любовались красотой города, замечательным творением рук человеческих, рук тех, кому выпало на долю жить в нищете и бедности, тех, кто вынужден тесниться в сырых бамбуковых хибарах, в крошечных домишках по берегам мутных клонгов лишь потому, а вернее, совсем и не потому, что добрый дух дома не пожелал внять их мольбам и просьбам о достатке, о лучшей доле.

Курорт Паттая и
мистер Мюллер

С лихорадочной поспешностью спидометр отщелкивал километр за километром. Сто шестьдесят лошадей, затаенных под широким капотом серебристо-голубого «мустанга», с мягким рокотом несли нас по «супер хай вэю» в направлении Мунлайта. Крепко сжимая баранку, я внимательно следил за дорогой. Ехали молча. Рядом подремывал Виктор. Мне казалось, что он намеренно прикрыл глаза. Сам большой автолюбитель и прекрасный шофер, Виктор, безусловно, знал, как остро любой водитель переживает наставления тех пассажиров, которые, руководствуясь в общем-то хорошими побуждениями, дают шоферу советы и наставления по

воздержно, напоминают элементарные правила уличного движения, тем самым отвлекая его и подчас раздражая. Однако не всегда легко воздержаться от советов, поскольку давать их не представляет особого труда. Стрелка спидометра подрагивала где-то между цифрами 130 и 140, и Виктор, боясь «сорваться», пошел на эту маленькую хитрость, притворившись спящим.

Раннее утро. Солнце еще не набрало всей своей силы. Ветер приятно ласкал прохладой лицо. Дорога была изрядно загружена. Чувствовалось, что наступил конец недели — уик-энд. Тысячи багкокцев на собственных автомобилях, а кто на мотоциклах устремились на побережье: в личные коттеджи, в заранее заброшенные бунгало, «дикарями». Дорога пролегла вдоль клонга. На противоположном берегу — домики на сваях. Около каждого покачивается на воде лодка. На огромных шестах прикреплены рыболовные сети в виде ковшей. Перебраться на другой берег можно по «воздушным» бамбуковым мостикам, перекинутым через канал.

Курортный комплекс Паттая состоит из пяти более или менее крупных «дачных поселков»: сама Паттая, Голд санд, Амматтая, Палм бич и Мунлайт. Каждый из них имеет своего владельца. Раньше все бунгало были стереотипными, без особых удобств и напоминали простенькие финские домишки. Погоня за прибылью, долларовая лихорадка и конкуренция изменили картину. Бунгало пристраивались и перестраивались. «Айс боксы» уступили место холодильникам. Кондиционеры пришли на смену фенам. Наиболее изощренным оказался владелец Амматтай, где охотнее всего проводят выходные дни богатые тайцы и американцы. Здесь можно получить бунгало на любой вкус: в виде яхты или гриба, треугольное или ромбовидное, с чисто европейским интерьером или в традиционном тайском стиле.

Нашим излюбленным местом был Мунлайт. Огороженный забором участок земли, на котором разместились около двух десятков бунгало, утопал в густой сочной зелени. Домики стояли в два ряда. Внизу, у воды, — более дорогие, а наверху, вдоль обрыва, — подешевле. Крутые каменные ступени в нескольких местах спускались к воде. Однако, на наш взгляд, верхние бунгало имели одно огромное преимущество перед разбросанными у моря. Они в жару и в духоту продувались, легкий сквозняк постоянно гулял по комнатам. Искусственное же охлаждение кондиционером или даже феном, как ни парадоксально, нередко приводило к насморкам, простудам, прострелам.

Промелькнул дорожный столбик с отметкой «87» — расстояние от Бангкока. До Мунлайта оставалось пятьдесят четыре километра. Шоссе отличное. Его ширина позволяет делать тройной обгон, не создавая опасных ситуаций. По временам попадаются полицейские будки. Возле них в качестве предупреждения тем лихачам, кто не соблюдает правил вождения, таких, как «Не уверен, не обгоняй!», «Не превышай скорости!», «Держись левой стороны!» (движение в Таиланде левостороннее), неизменно выставлены напоказ разбитые автомобили, потерпевшие аварии на данном участке дороги за истекшую неделю. Хочешь отдохнуть — соблюдай осторожность!

Разместившись в бунгало, мы с Виктором вышли на берег. Под ногами бархатистый песок. Море спокойное, гладкое, как зеркало. Прилив. У самой кромки воды неподвижно застыли несколько баркасов и легких катеров. Подростки прогуливали по берегам лошадей, на которых за полдоллара можно проскакать до Аматтан и обратно.

Завидев «фарангов», к нам со всех сторон ринулись владельцы всех этих средств передвижения.

— Мистер! Не желаете ли лошадь?

— Водные лыжи, мистер, пять долларов в час.

— Мистер! Десять долларов, и я покажу вам коралловые острова!

— Мистер! Двести бат за настоящий клев. Не пожалеете.

Поскольку наше желание полностью совпадало с последним предложением, мы не колеблясь отдали себя в распоряжение владельца небольшого баркаса, тайца, которому на вид можно было дать лет сорок — сорок пять. Звали его Амной.

— Лючай, сынишка мой. — Амной указал на мальчонку, энергично выбиравшего якорь. — Помощник растет.

На море было спокойно, чего нельзя сказать о небе. Через определенные промежутки времени там свистело и гудело. Это самолеты — «фантомы» и Б-52 с военной базы США Утапао и военно-морской базы Саттахип, самой крупной базы ВМС Соединенных Штатов Америки в Юго-Восточной Азии. Ведь они находятся всего в нескольких десятках километров от Мунлайта.

Пока добирались до места «настоящего клева», Амной наладил нам пару донок, мелко нарезал и насадил на крючки кальмаров, объяснив, что лучшей наживы быть не может.

Лодка, оказалось, принадлежала богатому тайцу, который сдавал ее в аренду, за что Амною приходилось выплачивать почти восемьдесят процентов своего заработка.

— У хозяина много таких лодок, — сказал он, — есть и катера. Лошади для прогулок тоже его. Богатый. А я вот сынишку вынужден с собой возить. Ему бы в школу, но нет денег.

Клев действительно удался на славу. Рыбины, пойманные нами, поражали расцветкой. Казалось, их специально кто-то раскрасил. Бирюзовые и оранжевые,

фиолетовые и перламутровые. Чаще всего попадались черно-белые в мелкую полоску. Виктор прозвал их «морскими зебрами».

Вернувшись в бунгало, мы решили угостить Амной и его сынишку тем, что мы на первое время захватили из Бангкока. Еда была традиционная, походная, которую мы привыкли брать с собой в поезда и на пикники. На столе появились тарелки с холодной картошкой, жареной курицей, помидорами и огурцами, яйцами, сваренными вкрутую. Было у нас немного риса. Открыли бутылку виски и налили в три стакана — по четверти. Разбавлять виски было нечем, так что пили его «он зе рокс», то есть просто с кусками льда — «на скалах».

Амной притронулся только к рису.

— Не ем еду «фарангов», — сказал он, — не привык. Рис — другое дело. Рис — это наша пища. — Он ласково взглянул на Лючая, который за обе щеки без разбора уплетал все, что было на столе. — Пусть сынишка поест. Ему расти.

Вечером мы с Виктором пошли прогуляться по берегу. Стояла немыслимая темень. И если бы луна не проложила в море дорожки да в нескольких местах на пляже не светились костры, ориентироваться было бы не по чему. Вокруг костров группами сидели «фаранги». Они жарили на огне мясо и пили пиво прямо из банок. Приблизившись к одной из компаний, мы услышали голос, без сомнения принадлежавший мистеру Мюллеру, представителю крупной западногерманской фирмы. По делам службы с ним нередко приходилось сталкиваться.

— А! Какая встреча! — Мюллер поднялся. — Познакомьтесь, — обратился он к сидящим у костра, — наши русские господа.

Чувствовалось, что Мюллер изрядно выпил. Всегда чопорный и несловоохотливый, он на этот раз болтал

без умолку, громко рассказывая смешные истории, анекдоты, сам же раскатисто смеялся и сильно жестикулировал, словно жонглер.

— Карачо поняль? — вдруг по-русски обратился Мюллер к нам.

— О! Да вы говорите на нашем языке? — удивились мы.

— Нет, два слов.

— Какие же еще?

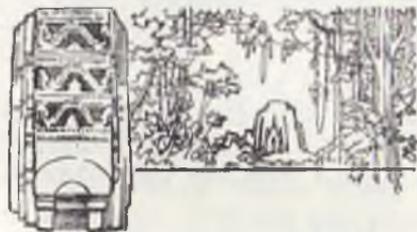
— Яйки, матка, курка.

Три слова прозвучали словно гром, после которого воцарилась тягостная тишина. Не возникало сомнений, где, когда и в качестве кого он почерпнул такие «знания» русского языка. С Мюллера мгновенно слетела его веселость. Он сразу отрезвел. Мы встали.

Вспомнился фильм «Как вас теперь называть?».

Вот вы, оказывается, кто, мистер Мюллер, представитель известной западногерманской фирмы. Да-а! А может быть, вы вовсе и не Мюллер?!

...Прошел уик-энд. Запущены сто шестьдесят лошадей, затаенных под широким капотом серебристо-голубого «мустанга». Впереди обратный путь в Бангкок.

«Антиквары»

Много, очень много в Таиланде интересных исторических мест, памятников старины, хранящих на себе пыль не одного тысячелетия. Археологи постоянно ведут раскопки, обнаруживая все новые и новые ценно-

сти, открывая тем самым пожелтевшие страницы древней истории страны.

Далеко не все находки ученых становятся достоянием государства. Только незначительная часть их попадает в музеи, галереи, храмы. С чувством вполне понятного сожаления говорят тайцы о том, что антикварные вещи зачастую исчезают. Их вывозят... за границу. В последнее время появился даже термин «воры-антиквары» — лица, специализирующиеся на контрабанде предметами старины. Торговля стариной — дело прибыльное. В Европе и Америке охотно вкладывают в него большие капиталы. Ведь чем дальше, тем стоимость этих «товаров» повышается в цене.

В провинции Капчанабурн найдены бесценные погребальницы неолитического периода. В Пимае, некогда построенном кхмерами-завоевателями за сто лет до знаменитого вата Ангор, бережно охраняются остатки изумительных по красоте башен с тщательно вырезанными по камню галереями. В древней таиландской столице — городе Сукотай гибнут, подвергаясь разрушительной силе природы и времени, сооружения, относящиеся к золотому веку сямского искусства.

Трудятся ученые-археологи, ведут поиски по всей стране, находят золотые изображения Будды, золотые монеты, чаши, кувшины, старинное оружие, предметы домашнего обихода предков, некогда населявших территорию нынешнего Таиланда. Сокровища поистине бесценные.

Во сколько же миллионов бат можно оценить те антикварные вещи, которые ежегодно вывозятся контрабандой за пределы Таиланда? На этот вопрос ответить, пожалуй, не возьмется никто. А вот на вопрос о том, как, через какие каналы исчезает старина, мне дал разъяснение служащий бангкокской таможни.

— Сомбун, — представился моложавый тасц лет

города и сложил ладони в традиционном приветствии. — Савади крап, здравствуйте.

Я тоже приветствовал его, поднеся плотно сложенные ладони к подбородку: «Савади крап».

— Как исчезает старина? Да очень просто. Во-первых, через магазины антикварных вещей. Их десятки, сотни в одном только Бангкоке. Так вот, приходит себе «фаранг» в одну из таких лавчонок, где у него уже установлен контакт с хозяином, и приобретает из-под прилавка какую-нибудь уникальную вещьцу за несколько сотен бат. А ее реальная цена исчисляется, может быть, тысячами.

— Но ведь чтобы провезти такой товар через границу, нужно получить специальное разрешение департамента изящных искусств, — возразил я.

— Верно, — кивнул Сомбун. — Но в большинстве случаев «фаранг» раскошеливается еще на круглую сумму, а антиквар любезно соглашается переправить купленную вещь в любую точку земного шара, которую назовет клиент. Как? Это дело антиквара. Мы задерживаем много контрабанды, но еще больше ускользает. Путей достаточно.

Так реликвии древнего Сиам превращаются в украшения домашних коллекций иностранцев.

Оказалось, что подобного рода незаконной деятельностью занимаются даже студенты, отправляющиеся на учебу за рубеж. Почти все они, по словам Сомбуна, прихватывают с собой в качестве талисманов золотые изображения Будды. Но почему-то редко кто из них привозит свои талисманы обратно.

— А что говорить о дипломатических валيزах, освобожденных от таможенного досмотра, или об американских военных самолетах... — Сомбун развел руками. — Крадут. Вывозят старину.

Да, старина — ходовой товар. Раз есть возможность

сбывать антикварные вещи, поставлять их за границу, то и контрабандисты-поставщики не сидят сложа руки. Они трудятся. Трудятся в поте лица. По всей стране действуют банды мародеров. Они буквально под гребенку прочесывают провинции и везут свои «находки» в столицу. Безжалостно откалываются головы статуй Будды, варварски сдирается золото со стен храмов, под ворота и двери ватов закладывается динамит. В тайландских провинциях такого рода деятельность не представляет особого труда. Здесь в отличие от Европы не существует новейшей сигнализации, электронных устройств, телекамер, ультразвуковых и лазерных установок. Здесь нет даже обычных сторожей. Многие пагоды, храмы, разбросанные в джунглях, не охраняются.

Не так давно тайландские археологи, производя раскопки в одной отдаленной провинции, натолкнулись на огромный клад бронзовых предметов. Пока докладывали о находке по начальству, пока на место прибыл представитель департамента изящных искусств, клада и след простыл. Бронза пропала. Ее украли.

Несколько лет назад департамент изящных искусств снарядил экспедицию в провинцию Бурирам. Наученные горьким опытом, власти на этот раз заранее включили в группу своего эксперта. Членам экспедиции несказанно повезло. Был обнаружен уникальный дворец «Маунт Пном Аунг». Фотографии дворца, фрагментов исключительной резьбы по камню, деталей лепки, найденных в нем предметов были незамедлительно напечатаны в красочном бюллетене департамента. Вооружившись этим бюллетенем, как путеводителем по дворцу, шайка бандитов проникла в «Маунт Пном Аунг». Взрывчатка помогла им разрушить стены. Куски орнамента вскоре появились в Бангкоке, а позднее и за границей. В Сан-Франциско перекочевала резная перемычка главного входа. Переговоры о ее возвращении до сих пор

безрезультатно идут с американским миллионером, украсившим перемычкой каминную в своей загородной резиденции.

Попытки остановить процесс разрушения памятников национальной культуры, сохранить их, не допустить вывоз старины за границу предпринимаются различными тайландскими ведомствами. Каждый месяц в министерстве образования проходят семинары, где обсуждаются эти вопросы. На них присутствуют чиновники из Национального музея, из департамента изящных искусств и даже отдельные энтузиасты. Создан специальный комитет, который после долгих проверок пришел к выводу: выработанные меры помогли за последнее время значительно разнообразить и пополнить экспозицию Национального музея, что заметно привлекло внимание посетителей. Вместе с тем комитет вынужден был констатировать и другое. Чем больше музейные гиды рассказывают о старине, о стоимости древностей, их уникальности, тем чаще и с большим знанием дела расхищаются антикварные вещи из дворцов и храмов.

Генеральный директор департамента изящных искусств жалуется на то, что правительство не выделяет достаточных средств; жалких крох, перепедающих от государственного бюджета, не хватает не только на восстановление и реставрацию памятников старины, а даже на должную организацию их охраны.

А тем временем приходят в запустение древнейшие ваты и пагоды в провинциях. Дожди и солнце разрушают уникальные экземпляры тайландской национальной культуры. Под воздействием толовых шашек и динамита летят в воздух бесценные панно и резьба по камню, галереи и статуи. А то, что все же удастся сохранить, уходит контрабандой за пределы страны, вызывая чувство глубокой горечи у тайландцев, которые издревле привыкли гордиться своей национальной культурой.

К вопросу о белых слонах

И вот снова я стою в очереди к таможенному офицеру бангкокского аэропорта «Донмыанг». В огромное окно вижу самолет бирманской компании UBA, на котором мне предстоит проделать путь до Рангуна, а уж там, в столице Бирмы, пересесть на аэрофлотовский Ил, с тем чтобы спустя более тринадцати часов, сделав короткие остановки в Карачи и Тегеране, приземлиться в Шереметьеве, где на отведенной для встречающих круглой башне-бокале меня будут ждать родственники и друзья, которые год назад с этого же места прощально махали вслед тому, кто с детства хотел воочию увидеть белого слона.

Я возвращался в Москву в отпуск. Меня наверняка спросят, удовлетворил ли я свое любопытство, отгадал ли загадку, которую преподнесла людям всемогущая природа, встретил ли в Таиланде белый феномен. Любопытство-то я, конечно, удовлетворил, но сверкающего белизной слона, к сожалению, не видел. Великий сатирик и юморист сильно преувеличил, назвав Гассана-Бен-Али-Бен-Селим-Абдалла - Магомед - Моисей - Алхамалл-Джемсетджеджибой-Дулип, султана Эбу-Будпура, или ласкательно просто Джумбо — белым слонем. Таких животных, дорогой читатель, вообще не существует. А те слоны, которых принято называть белыми, то есть альбиносы, отличаются от обыкновенных элфант вульгарне в основном только тем, что природа либо чуть-

чуть, почти незаметно на глаз, просветлила их кожу, либо отметила их белыми пятнами, да и то небольшого размера. Причем зачастую трудно установить принадлежность этого громадного животного к разряду священных, поскольку обнаружить белое пятно у него, к примеру, за ухом можно только путем тщательного осмотра слона, изучения его тела сантиметр за сантиметром.

А вот темных и даже черных пятен на теле той земли, которая по очертаниям напоминает слона, я рассмотрелся немало и о некоторых из них постарался рассказать. Но главное не в этом. Если накануне праздника Сонгкран жители городов и деревень скребут улицы и дворы, моют окна и стены, сжигают мусор и хлам, то сейчас прогрессивная общественность Таиланда ведет начатую в октябре 1973 года большую «весеннюю чистку», стремясь окончательно соскоблить все те темные пятна, которые долгими десятилетиями искажали доброе, приветливое лицо древней страны. И ничто не в состоянии положить конец процессу этой «весенней чистки». Его можно на время притормозить, можно замедлить, но не остановить.

Содержание

Таиланд с воздуха, или Неожиданное открытие	3
«Фантомы» вместо слонов	12
Мини-Таиланд	18
В погоне за «Падающим дождем»	26
Охотники за жемчугом	35
Акха	40
«Pacta sunt servanda»	47
Блеск и нищета «города ангелов»	56
В столицу 33 королей	62
Лютня и роль отдельных личностей	67
Когда солнце из созвездия «Рыба» переходит в созвездие «Овен»	73
Дорога на юг	79

Трюк кандидата	85
Ночная жизнь	94
На тигров с фонарями	99
Третий цикл	108
Источник жизни	112
Факты, факты, факты...	118
По клонгам	124
Курорт Паттая и мистер Мюллер	129
«Антиквары»	134
К вопросу о белых слонах	139

Кочетов А. В.

К75 В поисках белого слона. Художник Вс. Бродский. М., «Молодая гвардия», 1977.

144 с. с ил.

Автор книги — журналист, несколько лет работавший в Таиланде. Очерки о жизни простого народа, о его нелегком труде перемежаются в книге описаниями обычаев и празднеств — таких, как «Фестиваль плывущего лотоса», «Шествие избранной», «Танец дождя». А. Кочетов говорит и об истории страны, и о ее современном международном положении.

32 И

К 70302—059 — 269—77
078(02)—77

48 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ